Д. Н. Бородинъ.

КАБАКЪ И ЕГО ПРОШЛОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
С.-Петербургская Коммерч. Типо-Литографія Виленчикъ. Фонтанка, 52-[illegible]
1910.

Кабакъ и его прошлое.

(Историческій очеркъ).

Нѣтъ страны на земномъ шарѣ, которая не знала бы потребленія спиртныхъ напитковъ или другого какого-либо одурманивающаго вещества. Негръ пьетъ пальмовое вино, житель Нубіи—бузу, индѣецъ Южной Америки—одуряющее зелье „каву“, камчадалъ пьетъ отваръ изъ мухоморовъ, киргизъ и татаринъ — кумысъ, вотякъ — кумышку, сотни милліоновъ жуютъ бетель, курятъ или ѣдятъ гашишъ, сотни же милліоновъ наслаждаются страшнымъ опіумомъ и, наконецъ, европеецъ въ своемъ распоряженіи имѣетъ сотни хмельныхъ напитковъ всякаго рода.

Есть несомнѣнныя указанія, что китайцы еще задолго до Р. Х. приготовляли спиртъ изъ финиковъ и пальмы. Императорскимъ эдиктомъ 1116 года до Р. Х. обличался порокъ пьянства среди китайцевъ, и неисправимые пьяницы подвергались тяжелымъ карамъ, включительно до смертной казни. Эти же свѣдѣнія о распространеніи среди китайцевъ пьянства встрѣчаются въ старинномъ памятникѣ ихъ „She King“ (книга Поэзіи).

Предки наши арійцы или индійцы упивались напиткомъ „сома“ и „сура“. Первый напитокъ приготовлялся изъ наркотическаго сока растенія asclepias, смѣшаннаго съ молокомъ и подвергнутаго броженію; второй изъ сока растенія изъ рода panicum вмѣстѣ съ водой, медомъ и ячменемъ. У древнихъ персовъ мы встрѣчаемъ напитокъ, приготовлявшійся изъ конопли, такъ называемый „bang“.

Выдѣлка виноградпаго вина въ Греціи относится къ миѳической эпохѣ и приписывается Діонисію или Бахусу, сыну Юпитера и Семелы. Въ сочиненіяхъ Гомера постоянно упоминается о виноградномъ винѣ, а въ Одиссеѣ пьянство занимаетъ видную роль во всѣхъ повѣствованіяхъ. Плиній старшій свидѣтельствуетъ, что вино было любимымъ напиткомъ древняго Рима. Римляне умѣли приготовлять вино разныхъ сортовъ и питье его сдѣлалось всенароднымъ. Историки указываютъ, что порокъ пьянства нигдѣ такъ не процвѣталъ, какъ среди развратныхъ патриціевъ и голодныхъ, распущенныхъ плебеевъ и что этотъ порокъ содѣйствовалъ паденію римской имперіи.

Тацитъ утверждаетъ, что древніе германцы не считали за стыдъ дни и ночи проводить въ кутежахъ. Мартинъ Лютеръ пишетъ, что вся Германія зачумлена пьянствомъ. Въ XVI столѣтіи, которое называется историками „столѣтіемъ пьянства", отъ потребленія на сѣверѣ Германіи національнаго напитка—пива и на югѣ виноградняго вина—стонъ стоялъ во всей странѣ. То же самое слѣдуетъ сказать относительно Англіи. Въ старой Франціи хотя пьянство и было распространено, но не въ такой степени, какъ въ Германіи и Англіи.

Въ Греціи и Римѣ были питейные дома съ общественнымъ характеромъ, куда сходились мѣстные граждане, гдѣ они пили, закусывали и разсуждали о своихъ дѣлахъ. Такія учрежденія посѣщались самыми выдающимися гражданами древняго міра: философами, поэтами, художниками; въ нихъ можно было встрѣтить Цицерона, Горація, Овидія, Тибула. Тоже самое было въ средніе вѣка въ Германіи и во Франціи. Въ большихъ торговыхъ городахъ существовали такъ называемые магистерскіе погреба, куда собирались члены городского управленія для обсужденія важныхъ вопросовъ. Извѣстно, напр., что Гете въ знаменитомъ погребкѣ Ауэрбаха въ Лейпцигѣ написалъ нѣсколько сценъ изъ „Фауста", а Гейне—свое знаменитое обращеніе къ бременскому ратскеллермейстеру. Расинъ часто сижи-

валъ въ кабаре „Бѣлаго Барашка“, гдѣ хозяйкой была знаменитая „la veuve Bervin“. Кабаре, носившій названіе „Истинныхъ друзей“ и находившійся подъ управленіемъ „brave femme Cadet“, служилъ мѣстомъ собраній французскихъ комиковъ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній; наконецъ, еще недавно въ кабаре „La mère Saguet“ сходились Викторъ Гюго, Тьеръ, М. Фурнье, Беранже и др. Къ сожалѣнію, такихъ питейныхъ домовъ въ Греціи, Римѣ и на западѣ Европы было немного. Большинство же питейныхъ домовъ въ этихъ государствахъ были притоны разврата и разгула, на подобіе нашихъ историческихъ кабаковъ.

Было-ли распространено пьянство въ древней Россіи? Вопросъ этотъ до сихъ поръ не рѣшенъ положительнымъ образомъ, такъ какъ о немъ существуютъ самыя противорѣчивыя указанія. Извѣстный изслѣдователь старины Прыжовъ, въ крайнемъ интересномъ и солидномъ трудѣ своемъ: „Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа“, доказываетъ, что у нашихъ предковъ пьянства не было. „Питье не было порокомъ, разъѣдающимъ народный организмъ. Оно составляло веселье, удовольствіе, какъ это видно изъ словъ, вложенныхъ древнерусскимъ грамотникомъ въ уста Владиміра: „Руси есть веселіе пити—не можетъ безъ того быти“. Но прошли вѣка,—продолжаетъ Прыжовъ, и ту же поговорку ученые стали приводить въ примѣръ пьянства“ [1]).

Мы приведемъ возраженіе: если пьянство, скажутъ намъ, не составляетъ потребности, то чѣмъ объяснить многочисленныя ссылки на употребленіе хмельныхъ напитковъ въ нашихъ народныхъ былинахъ? Вѣдь почти всегда въ числѣ сказочныхъ дѣяній богатырей упоминается чара необъятныхъ размѣровъ. Такъ, Марко Королевичъ выпиваетъ разомъ „ендову въ девять мѣръ“. Илья Муромецъ похваляется предъ идолищемъ поганымъ въ томъ, что онъ „по

---

[1]) Прыжовъ. Исторія каб. въ Россіи Стр. 7.

семи ведеръ пива пьетъ, по семи пудовъ хлѣба кушаетъ". Про молодую жену Добрыни Никитича говорится, какъ „она пьетъ до дна" и затѣмъ „сдогадалася

„Встаетъ съ мѣста княжескаго.
Наливъ чару зелена вина
Зелена вина, въ полтора ведра.
Подноситъ она добру молодцу.
Принимаетъ онъ въ одну руку,
Выпиваетъ за единый духъ" и т. д.

Еще характернѣе сказаніе о Василіи Буслаевичѣ, который выбираетъ себѣ дружину храбрую и пробуетъ ихъ силу молодецкую, прибѣгая къ слѣдующему пріему:

„И наливъ Василій чашу зелена вина,
Мѣрой чаша въ полтора ведра,
Ставитъ чашу среди двора
И самъ при этомъ приговариваетъ:
Кто эту чашу приметъ одной рукой,
И выпьетъ ее за единъ духъ,
Тотъ въ моей дружинѣ храброй".

Любимый народный герой Илья Муромецъ тоже почувствовалъ силу, отвѣдавъ питья:

„Сталъ вставать онъ ровно встрепанный
И пошелъ принесъ чашу въ полтора ведра
Нищей братіи сталъ поднашивать" и проч.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести много. Вездѣ вино, пиво, медъ, квасъ и прочіе напитки являются непремѣнными аттрибутами силы молодецкой. На чемъ основано такое повѣрье, будто только тотъ можетъ числиться богатыремъ, кто въ состояніи много выпить? Крайне обстоятельно разработанъ этотъ вопросъ у Аѳанасьева [1]).

Въ цѣломъ рядѣ сопоставленій, взятыхъ преимущественно изъ жизни нашихъ предковъ, авторъ говоритъ о

---

[1]) Аѳанасьевъ, стр. 374.

томъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ тѣми напитками, которые даютъ силу богатырямъ. У всѣхъ народовъ древности и боги языческіе и герои старины дѣлались могучими только по принятіи животворнаго напитка. Будь то нектаръ древнихъ грековъ, или санскритская амрита, или вода Мимирова источника въ древней Скандинавіи, или жертвенное вино изъ турьяго рога Арканскаго идола Свѣтовита—дѣйствіе получается аналогичное съ тѣмъ, о которомъ упоминаютъ былины. Вино и медъ являются напитками, дарующими силу и жизнь, потому что въ нихъ олицетворяются *жизненныя силы природы*. Гроза и буря—эмблема пира и свадебнаго торжества. „Уподобленіе дождя вину вызвало у грековъ миѳъ о Вакхѣ; онъ былъ сынъ Зевса и Персефоны. Она упросила могучаго олимпійца явиться къ ней во всемъ величіи, съ громами и молніями. Опаленная небеснымъ огнемъ, она погибла, разрѣшившись недоношеннымъ Вакхомъ. Смыслъ тотъ, что туча, разбитая грозой, исчезаетъ, а изъ нѣдръ ея исходитъ вино, т. е. дождь [1]). Вакхъ, богъ вина, представлялся красивымъ юношей, съ жезломъ, обвитымъ винограднымъ плющемъ, т. е. эмблемой молніи. Почти аналогичныя сказанія встрѣчаемъ мы и въ сѣверной миѳологіи. Вездѣ одинъ и тотъ же результатъ: дождь и роса олицетворяютъ собою вино и медъ. „Особенно важно,—говоритъ Аѳанасьевъ,—уподобленіе дождя крѣпкимъ, опьяняющимъ напиткамъ: (отъ санскритскаго pibane, греческ. пиво, латинск. bibo, славянск. пить) образовалось питье, пиво, пьянство. Такимъ же образомъ можно сравнить слова: вода, водка, живая вода, eau de vie, aqua vitae. Шумное проявленіе небесныхъ грозъ арійцы сравнивали съ дѣйствіемъ, производимымъ на человѣка опьяненіемъ“. Любопытны свидѣтельства языка, указывающіе на уподобленіе грозы и ненастья—приготовленіемъ хлѣбныхъ напитковъ. „*Замолохавѣть*“ употре-

---

[1]) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, гл. VI и VII. Гроза, вѣтры, радуга—жизни вода и вѣщее слово. Стр. 245—431.

бляется въ смыслѣ захмелѣть, опьянѣть, *„моложить“* примѣняется къ погодѣ, когда небо затягивается тучами. Отсюда *„моложный“* — туманный, сѣрый. Среднiй глаголъ *„замолаживаетъ“*, *„замолодило“*—становится облачно, а дѣйствительный залогъ того же корня *„замолаживать“*, „замолодить“ относиться къ напитку, который начинаетъ бродить, пѣниться“. Отсюда ясно, почему хмельнымъ напиткамъ,—которые, являются олицетворенiемъ дождя—приписываютъ то же значенiе, какъ и водѣ,—оживляющей природу. Характерное сказанiе объ Ильѣ Муромцѣ, который получаетъ силу послѣ троекратнаго вкушенiя пива,—напоминаетъ сказку о норвежскомъ Королевичѣ, который, чтобъ побѣдить двѣнадцатиглаваго дракона Тролля, трижды выпиваетъ вина изъ фляги [1]). То же значенiе имѣетъ и Василiй Буслаевичъ, и другiе герои народнаго эпоса.

При подобномъ освѣщенiи фактовъ врядъ ли русскiя былины, обильно надѣляющiя своихъ героевъ виномъ и другими напитками, могутъ служить уликой народнаго пьянства. Напротивъ того, эти сказочныя свидѣтельства удостовѣряютъ миѳическое происхожденiе народныхъ героевъ, которые, имѣя божественное начало, въ то же самое время находятся въ тѣсной связи съ жизнью людей и съ жизнью окружающей природы.

Съ этой точки зрѣнiя не безынтересно прослѣдить историческое происхожденiе тѣхъ напитковъ, которые были въ наибольшемъ употребленiи у славянъ.

На туманномъ фонѣ древне-русской жизни ярко выдѣляется фигура Владимiра Красно-Солнышко. Съ особенной любовью останавливается на немъ народная фантазiя, быть можетъ именно потому что при немъ во всей силѣ сказались единенiе народа и князя. „Общины и мiры, города и села сходились на игрища, сбирались на братчины, пиры и бесѣды. На народный пиръ приглашали князя, на пиръ княжескiй сбирался народъ. Народная память донесла до

---

[1]) Nordiches Märcenbuch von Mülbener, стр. 5 и 9.

нашихъ дней извѣстіе о пирахъ князя Владиміра. Изяславъ и сынъ его Ярославъ осенью 1148 г. давали пиръ Новгороду: „посласта подвойскѣи и биричи по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ отъ мала и до велика; и тако обѣдавши веселишася радостью великой и разъидошася своя домы". Тоже было въ Кіевѣ въ 1152 г. „Вѣчьславъ же уѣха въ Кіевъ, и ѣха къ святѣй Софьи, и сѣдя на столѣ дѣда своего и отца своего, и позва сына своего Изяслава на обѣдъ и Кіаны всѣ". Въ общій строй жизни входила и церковь, которая учила „егда творите пиръ и зовете и братію и родъ и вельможи, или кто въ васъ возможетъ князя звати, и то все добро есть, то бо въ свѣте семъ чесътно. Призовете же паче всего убогую братію, колико могуще по силѣ". И такъ, всякое мужское дѣло непремѣнно начиналось пиромъ..." [1]).

Какой характеръ носили эти пиршества, — видимъ мы изъ эпитетовъ „честный пиръ пированьеце, почестный пиръ", т.-е. почетный. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы подробностей мрачнаго характера. Ни дракъ, ни убійствъ, никакихъ другихъ безобразій современнаго пьянаго разгула. Даже строгій лѣтописецъ говоритъ о томъ, что „то все добро есть, то бо въ свѣтѣ семъ честно". Въ мирной бесѣдѣ при пѣніи пѣсенъ при ласковомъ князѣ всѣ были равны за его столомъ: крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, родной дядя Владиміра — Добрыня Никитичъ — всѣ пируютъ на ровной ногѣ, держатъ себя свободно и непринужденно, говорятъ объ общественныхъ дѣлахъ и о своей личной жизни. Гостепріимный князь охотно потчуетъ своихъ гостей виномъ, брагой, главное — медомъ. Этотъ послѣдній напитокъ составляетъ необходимую принадлежность всякаго пиршества, въ особенности брачнаго [2]).

---

[1]) Такихъ пиршествъ съ употребленіемъ хмельныхъ напитковъ, можно было бы привести много.

[2]) Въ изслѣдованіяхъ Добрякова «Русская женщина въ до-московск. періодъ» авторъ подробно останавливается на языческихъ брачныхъ обрядахъ, встрѣчающихся и впослѣдствіи въ эпоху двоевѣрія. При этомъ онъ приводитъ

Медъ пьется также нашими предками и при тризнахъ и на похоронахъ и при другихъ торжественныхъ обрядахъ... „Се иду къ вамъ, говоритъ Ольга Древлянамъ, да пристройте меды многіе во градѣ". Медъ былъ необходимой принадлежностью всякаго житейскаго дѣла. „Поставивъ церковь въ Васильевѣ, говорится въ Лаврентьевскомъ спискѣ, князь сотвори праздникъ великъ, варя триста проваръ меду и созывавшіе боляры своя и посадницы", Такія же указанія имѣются въ лѣтописяхъ о Ярославѣ, объ Андреѣ Боголюбскомъ и о другихъ русскихъ князяхъ. Такое повсемѣстное употребленіе меда вполѣ объясняется обиліемъ лѣсовъ въ природѣ русскаго славянина. Но фантазія народная не удовольствовалась естественнымъ объясненіемъ, а украсила происхожденіе этого напитка поэтическимъ вымысломъ. Указанія подобнаго рода встрѣчаемъ мы и у Иванова и у Аѳанасьева [1]) Откуда по ихъ понятіямъ является первый пчелиный рой. Интересно, что въ сказаніяхъ каждаго почти народа,—рой происходитъ изъ тѣла убитаго животнаго. По русскимъ повѣрьямъ изъ лошади заѣзжанной водянымъ дѣдомъ; по римскимъ — изъ сгнившаго мяса быка; по скандинавскимъ—изъ туловища убитаго первобытнаго великана и т. д. Библейское сказаніе о Самсонѣ, нашедшемъ въ пасти льва медовые соты, напоминаетъ подвигъ Геркулеса, который задушилъ немейскаго льва и т. п. Всѣ эти легенды тѣсно связаны съ миѳическими вѣрованіями. „Водяной дѣдъ, какъ говоритъ Аѳанасьевъ [2]), дождящій громовникъ, конь, быкъ великанъ и пр. зооморѳическія олицтвоеренія тучи; кровь — метафора дождя, пчелы—молніи. Поэтическое уподобленіе молній пчеламъ

выписки лѣтописца и черноризца Якова «о плясаньяхъ и гудѣньяхъ», которыя сопровождались обильнымъ угощеніемъ медомъ. То же самое упоминается и при свадьбѣ восьмилѣтней Верхуславы дочери Всеволода III съ княземъ Ростиславомъ Рюриковичемъ.

[1]) Изановъ. Историческіе очерки ч. I, стр. 50, приводитъ цѣлый рядъ заклинаній и повѣрій о пчелахъ.

[2]) Поэтич. воззрѣнія славянъ, стр. 282.

возникло изъ слѣдующихъ сближеній: легкокрылая пчела, надѣленная отъ природы острымъ жаломъ, напоминала этими признаками летучую и разящую молнію. Жало часто называется жигало (отъ слова жечь; жигалка — свѣча). То же жало надѣляетъ людей сладкими сотами, подобно тому, какъ молнія низводитъ на землю небесный медъ дождей".

Впослѣдствіи языческій миѳъ получаетъ христіанскую окраску благодаря тому двоевѣрію, о которомъ такъ часто скорбитъ лѣтописецъ. „Христіанство, какъ говоритъ Чудиновъ въ своихъ лекціяхъ, встрѣтило неподготовленную почву. Преданія и миѳы о древнихъ богахъ переносятся на Спасителя, св. Дѣву и свят. угодниковъ; суевѣрья, обряды и чары обставляются предметами освященными въ церкви каковы ладанъ, пепель кадила, святая вода, свѣчи страстная и богоявленская, соль четверговая и т. п. [1]).

Какъ же сказалось это двоевѣріе въ употребленіи меда? Вмѣсто сказокъ и былинъ—мы видимъ апокрифическія сказанія, въ которыхъ говорится о Спасителѣ и Святыхъ. Такъ въ хожденіи апостола Павла по мукамъ упоминается „о рѣкѣ медвена". Въ „словѣ о трехъ мнисѣхъ", объ источникѣ, который „красенъ зело и то есть источникъ безсмертныхъ"... Въ хожденіи св. Зосимы о древѣ, отъ корня котораго истекалъ ручей слаще меда и т. п. Какъ въ праздникахъ Коляды, такъ и въ христіанской Руси прибѣгаютъ къ крику и гаму; чтобы плодились пчелы. Для этого на пасѣкахъ держатъ кусокъ отбитаго церковнаго колокола. Благовѣсть въ Свѣтлое Воскресенье, Благовѣщеніе и Вербное Воскресенье—помогаетъ роенію. Въ эти праздники, какъ говоритъ Афанасьевъ, пчеловоды приходятъ на пасѣки между заутреней и обѣдней, высѣкаютъ огонь изъ громовой стрѣлки и, зажигая ладанъ, окуриваютъ ульи съ произнесеніемъ заговора на плодородье пчелъ; тѣмъ же огнемъ

[1]) Вторая Лекція профессора Н. Чудинова «Очерки Исторіи Русской Женщины».

зажигается и свѣчка и передъ иконой соловецкихъ угодниковъ Зосимы и Савватія, которые, по преданію, были первыми распространителями пчеловодства въ русской землѣ. Заговоръ состоитъ изъ молитвенныхъ обращеній къ Зосимѣ, Совватію и къ архангелу Михаилу".

. Пчела является также окруженной святымъ ореоломъ. Она называется „божей пташкой". Надѣлена она высшей мудростью. Вотъ почему жалитъ она только недобраго человѣка. Самъ Илья пророкъ бережетъ улей и никогда не ударитъ въ него своей молніей. Другія святыя помогаютъ ему охранять пасѣки. Вспомнимъ, какой любовью и почетомъ отличаются сказанья о Зосимѣ и Савватіи на сѣверѣ, о Петрѣ и Өевроніи Муромской на югѣ Россіи, такъ какъ эти святые являются естественными покровителями и распространителями бортей [1]).

При такомъ взглядѣ на пчелъ, и на медъ, все, что относится къ этому напитку, носитъ священный характеръ. „Убить пчелу, говорить Афанасьевъ — великій грѣхъ, а воровство пчелиныхъ колодокъ, признается за преступленіе, равное святотатству. Воскъ издревле сталъ употребляться на свѣчи, возжигаемыя въ храмахъ, какъ жертва особенно-пріятная божеству; безъ пчелы, какъ утверждаютъ наши простолюдины, „не могла бы совершаться обѣдня". Вотъ почему, и древніе юридическіе памятники строго, ясно и опредѣленно говорятъ о различныхъ наказаніяхъ, которымъ подвергались въ старину за всякую порчу улья. Такимъ образомъ, уже въ началѣ XI вѣка, были выработаны слѣдующія правила. За порчу бортнаго дерева платились вира въ 3 гривны. За уничтоженіе знака на борти, за выдиранье пчелъ и проч. были опредѣлены болѣе или менѣе тяжелыя взысканія. Точно также подробно былъ разработанъ воп-

---

[1]) Народная фантазія придала святой Өевроніи *вещее* знаніе. Довольно подробно останавливается на ней Добряковъ въ вышеприведенномъ сочиненіи «Русск. женщины въ до-Московск. періодъ». Другой изслѣдователь старины Щаповъ, говоритъ объ обрядахъ пчеловодовъ, пріуроченныхъ къ празднику Крещенья.

росъ о пчелиномъ приплодѣ, который въ „Русск. Правдѣ" называется „настовамъ на медъ". (Подробности можно найти въ книгѣ Прыжова, стр. 14, 15 и дальше).

Не объ одномъ напиткѣ нѣтъ такой массы указаній миѳическаго и историческаго характера, какъ о медѣ. Онъ составляетъ источникъ радости, веселья и народнаго благосостоянія, являясь однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ предметовъ торговли. Видѣть же въ этомъ напиткѣ доказательство пьянства положительно несправедливо.

Медъ былъ въ широкомъ употребленія во всей Россіи, но несмотря на его повсемѣстное распространеніе — онъ все же является далеко не единственнымъ хмельнымъ напиткомъ. Такъ же старо было на Руси „пиво бархатное" и „брага хмельная", о которыхъ упоминаетъ Микула-Селяниновичъ.

„А я ржи накошу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу
Драни надеру, да и пива наварю.
Пива наварю, да мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивать.
Молодой Микулушка-Селяниновичъ!".

Филологическія изслѣдованія о происхожденіи слова пиво и брага находятся у Афанасьева (стр. 368 и 371). Для насъ важны не столько лингвистическія особенности, сколько тѣ миѳическіе вымыслы, которымъ народъ надѣлилъ этотъ древній напитокъ. Во многихъ пѣсняхъ пиво уподобляется крови, даже въ позднѣйшихъ памятникахъ народнаго творчества.

„Иду я туда,
Дé роблять на диво
Червоное пиво.
Зъ крови супостатъ".

Такъ говоритъ своей милой малороссійскій казакъ. Она отвѣчаетъ ему.

„Хиба-жъ ты и задумавъ тѣмъ пивомъ упиться?
Чи вже-жъ ты зо мною зхотѣвъ разлучиться".

Былина, разсказывая о кровавыхъ подвигахъ Василія Буслаевича, упоминаетъ о томъ, какія варили „пива ячныя“, а въ былинѣ о татарскомъ героѣ Щелканѣ Дубентьевичѣ царь Азвякъ такъ говоритъ своему шурину: „Заколи ты сына любимаго, крови чашу нацѣди, крови горячія и тогда я тебя пожалую“. Пиво, какъ метафорическое представленіе крови, встрѣчается и у западныхъ народовъ и у русскихъ славянъ. Сахаровъ (т. I, стр. 203) приводитъ примѣръ раненаго молодца, который „шатается—на тугой лукъ опирается“.—Мать встрѣчаетъ его съ укоризной „ахъ ты чадо мое, зачѣмъ такъ напиваешься, до сырой земли приклоняешься“.—„Я не самъ напился, говоритъ добрый молодецъ, а напоилъ меня турецкій султанъ тремя пойлами. Эти пойла—кровавыя раны отъ сабли острой, копья мѣткаго, пули свинцовой“. „Въ одной пѣснѣ дѣвица, какъ говоритъ Афанасьевъ, грозитъ любовнику, который надъ ней насмѣялся: я изъ крови твоей пиво пьяно сварю“. То же сравненіе убитаго съ опьяненнымъ встрѣчаемъ мы и въ англо-саксонскомъ сказаніи о Беувульфѣ. Кровь, какъ источникъ силы и жизны, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о древнемъ миѳическомъ представленіи. Съ этой точки зрѣнія и употребленіе пива окружено такимъ поэтическимъ вымысломъ, какъ и вышеприведенныя сказанія о медѣ. Постепенно добираясь до первоначальнаго источника этихъ вымысловъ, Афанасьевъ приходитъ къ древне скандинавскому сказанію о брагѣ и пивѣ, которыя исходятъ отъ самого бога Одина, бога поэзіи, котораго называли лучшимъ изъ всѣхъ скальдовъ, приписывая ему даръ краснорѣчія и стихотворства.

Въ русской жизни, хотя и нѣтъ такихъ древнихъ миѳическихъ образовъ, пріуроченныхъ къ пиву и брагѣ, тѣмъ не менѣе находится масса указаній о тѣсной связи этихъ напитковъ съ различными обычаями брака. Несомнѣнно, что эти подробности—остатокъ глубокой народной древности. Онѣ свидѣтельствуютъ о миѳическомъ значеніи пива, какъ оплодотворяющаго напитка, равнаго тому, который

приписывается меду. До сихъ поръ, какъ говоритъ Афанасьевъ,—„заварить пиво, или брагу—значитъ готовиться къ свадьбѣ“.

„Дѣвицы, желающія поскорѣй выйдти замужъ, прибѣгаютъ къ такому средству: тайно отъ всѣхъ ставятъ въ печь корчагу и завариваютъ въ неи солодъ; когда онъ поспѣетъ, корчагу выносятъ за ворота и тамъ спускаютъ сусло, съ надеждой, что прежде, чѣмъ окиснетъ пиво, пріѣдетъ женихъ свататься и что этимъ самымъ пивомъ придется его подчивать“.—Такихъ сопоставленій брачныхъ обрядовъ съ варкой пива равно и миѳическое значеніе этого напитка, какъ цѣлебнаго источника—приводится много въ книгѣ Афанасьева. Отсылая къ нимъ читателей, переходимъ къ историческому значенію другихъ славянскихъ напитковъ.

Вмѣстѣ съ медомъ, пивомъ и брагою въ древне-русской жизни большое значеніе игралъ квасъ. Филологическое значеніе настолько ясно, что врядъ-ли нуждается въ особомъ толкованіи. Что касается до историческаго происхожденія этого напитка, то и тутъ народная фантазія отождествляетъ его съ миѳомъ о божествѣ. Изобрѣтателемъ кваса является Квасиръ—скандинавскій полубогъ. Его вѣщій миѳическій образъ служитъ олицетвореніемъ мира, счастья, довольства. Онъ надѣленъ высочайшей мудростью и даже тогда, когда онъ убитъ злыми карликами, кровь его сохраняетъ чудодѣйственную силу. Каждый, кто вкусилъ ее, становится мудрымъ, получаетъ способность къ высшему божественному дару—поэзіи. Карлики тщательно скрываютъ этотъ божественный напитокъ отъ смертныхъ и умышленно распространяютъ слухъ о томъ, что Квасиръ задохся отъ избытка собственной мудрости. Все же они вынуждены впослѣдствіи отдать эту кровь грозному великану Сутунгу, который прячетъ ее въ горѣ „Hnilbiorg“ т. е. звучащей горѣ—эмблемѣ грозовой тучи. Богъ поэзіи находитъ кровь Квасира, выпиваетъ ее и, въ видѣ орла, быстро мчится по поднебесью. Завидя его, великанъ Сутунгъ принимаетъ образъ той же птицы и пустился его преслѣдовать. Тогда

люди выставили летящему богу свои сосуды на дворѣ и Одинъ выплюнулъ туда кровь Квасира, когда великанъ сталъ его нагонять. Такимъ образомъ была сохранена божественная влага...

Таковы фантастическія сказанія о медѣ, пивѣ, брагѣ и квасѣ. Всѣ эти напитки имѣютъ чудесное свойство. Они дарованы богами и сообщаютъ людямъ божественныя, безсмертныя качества. Вкушающій ихъ получаетъ молодость, красоту, онъ становится или поэтомъ или вѣщимъ. Почти тѣ-же свойства приписываютъ и вину.

Въ Рыбинскомъ сборникѣ нашъ народъ такъ воспѣваетъ напитки.

„Какъ водочки сладкія, меды стоялые
Повѣшены въ погреба глубоки въ бочкахъ сороковкахъ,
Бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныхъ,
Туда подведены вѣтры буйные;
Повѣютъ вѣтры буйные во чистомъ полѣ,
Пойдутъ, какъ воздухи по погребамъ,
И загогочутъ бочки, какъ лебеди,
Какъ лебеди на тихихъ на заводяхъ:
Такъ они того не затхнуться водочки сладкія,
Водочки сладкія и меды стоялые;
Какъ чару пьешь—другой хочется,
Другую пьешь—по третьей душа горитъ“.

Кабакъ въ Московской Руси.

(13 и 14 столѣтіе).

Миновала грозная туча, полчища татаръ оставили Россію и возвратились назадъ въ Азіятскія степи... Но долго всюду еще оставались слѣды ихъ ужаснаго погрома. Пышный расцвѣтъ культуры юго-западной Руси смѣнился застоемъ. Школы пустѣли, письменность пала, нравы одичали. На ряду съ неуваженіемъ личности, является раболѣпство передъ высшими и грубое насиліе надъ слабыми. Разбой, грабежи на большихъ дорогахъ, пытки и казни въ судахъ

полная деморализація и раззореніе—вотъ тѣ неблагодарные элементы, которые бродили въ расшатанномъ строѣ древніе русской жизни, способствуя одичанію и пьяному разгулу.

При такихъ условіяхъ, Южная Русь, мало по малу, сходитъ съ исторической аванъ-сцены. Роль ея стушевывается, а сила, власть, могущество переходятъ на сѣверъ. Отдѣльныя проявленія самостоятельности замѣчаются нѣкоторое время то во Владимірѣ, то въ Суздалѣ, то въ Новгородѣ, то въ Псковѣ... Потомъ все нивелируется и среди общаго броженія одна небольшая точка въ центрѣ Россіи притягиваетъ къ себѣ мало по малу разрозненныя силы государства. Это будущая Москва, возникшая въ мѣстности, принадлежавшей боярину Кучкѣ.

Лѣтописецъ наивно передаетъ первыя свѣдѣнія о возвышеніи этого города. Быстрый ростъ Москвы связывается въ народномъ преданіи съ противозаконными насиліями, съ преступленіемъ и кровью. Въ данномъ случаѣ это не простой вымыселъ досужей фантазіи, а выраженіе общаго гнетущаго чувства народнаго неудовольствія Москвой, которая, по мѣткому выраженію Буслаева „всегда пользовалась *антинаціональными* средствами для своего возвышенія“ [1]) опираясь на хитрость, ловкость князей,—Москва дружитъ съ татарами съ исконными врагами русскихъ. Она не признаетъ силы и доблести, чести и справедливости, личнаго мужества и самоотверженія. „*Русская Правда*“ улетѣвъ на небеса, смѣнилась здѣсь *Шемякинымъ судомъ* и *московской волокитой* мужа, и княжескіе думцы, перейдя въ помѣстцыковъ, писались *холопами*, а свое стариное имя мужей отдали всему народу, получившему имя *мужиковъ*...“ [2]).

Московскіе князья не брезгали никакими средствами для пополненія казны и эксплоатировали народной слабостью къ вину для установленія постоянныхъ доходовъ. Продажа водки переходитъ въ руки правительства и съ

---

[1]) Буслаевъ „Лѣтоп. Русск. Лит.“

[2]) „Исторія Кабак. въ Россіи“. глава 5, стр. 46.

этихъ поръ пьянство народное постоянно прогрессируетъ, несмотря на протестъ нѣкоторыхъ лучшихъ представителей нашего духовенства. Проповѣди ихъ не могли имѣть вліянія еще и потому, что это были иноземцы, стоявшіе особнякомъ среди чуждой имъ культуры. Они не могли дать ни одного практическаго совѣта, указывая только на постъ, воздержаніе, молитву, умерщвленіе плоти ради спасенія души. Для того, чтобы обличенія противъ пьянства могли бы имѣть успѣхъ, необходимо было, „чтобы явились другіе проповѣдники. Эти же были изъ сферы, ничѣмъ не связанной съ настоящей дѣйствительностью. Нужно было, чтобы проповѣдники были изъ той же среды, знающіе что возможно и примѣнимо въ жизни“ [1]).

Они же часто нисколько не сообразовались съ дѣйствительностью, довольствуясь сколками и переводами съ греческаго. Чтобы не казаться голословнымъ, укажемъ на слѣдующій фактъ. До насъ дошло древнѣйшее обличеніе пьянства, которое обыкновенно пріурочивалось къ XI вѣку и приписывалось Θеодосію Печерскому, между тѣмъ, какъ профессоръ Срезневскій доказываетъ, что памятникъ этотъ византійскаго, а не русскаго происхожденія [2]).

То же самое мнѣніе встрѣчается и въ книгѣ С.-Петербургскаго митрополита Антонія [3]). Авторъ приводитъ параллельно два столбца: „Слово о пьянствѣ“, приписываемое Θеодосію Печерскому и отрывокъ изъ лѣтописи Нестора. Затѣмъ онъ свидѣтельствуетъ, что и тотъ, и другой заимствовали изъ болѣе древняго документа. Источникъ находится въ Симеоновскомъ златоструѣ „Слово о ведрѣ и казняхъ Божьихъ“ [4]).

---

[1]) Стоюнинъ о препод. Р. Лит.

[2]) Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятник. Зап. Имп. акад. наукъ т. IX, кн. 2. Срезневскаго.

[3]) Изъ истор. христіанскаго проповѣдничества арх. Антонія 1895 г.

[4]) Вотъ это слово: «Братіе, стеризите молитвы часъ, въ онь же Богу молитеся: вечеръ, утро и полудне, трезвымъ умомъ, а не пьянствомъ, якоже Петръ опостолъ глаголетъ: братіе будете трезви а не пьяни».

Почти такіе же разногласія у критиковъ при оцѣнкѣ произведеній Фотія, который порой чуть не дословно переводилъ съ Іоанна Златоуста, между тѣмъ, какъ до послѣдняго времени на него смотрѣли какъ на автора самостоятельнаго, рисующаго современныя ему событія. Вотъ почему, хотя въ настоящемъ очеркѣ мы и приведемъ тѣ образчики проповѣдничества, которые направлены противъ пьянства, но упоминаемъ впередъ, что они представляютъ только „относительную“ цѣнность.

„Въ нихъ можно видѣть, только отношеніе писателей къ народной жизни“, но было бы ошибочно судить по нимъ объ идеалахъ всего русскаго народа [1]). Проповѣди эти говорились въ городахъ, или иногда разсылались къ различнымъ представителямъ духовенства, но не имѣли непосредственнаго вліянія на сельское населеніе, жизнь котораго была совершенно обособлена отъ правящихъ классовъ.

Сдѣлавъ эту оговорку, переходимъ къ самимъ документамъ въ 13, 14 и 15-мъ вѣкѣ, т. е. въ эпоху, подготовляющую администрацію Іоанна IV, самаго вѣрнаго, самаго типичнаго представителя Московской Руси со всѣми ея характерными особенностями.

„Яко суть супостатамъ вашъ діаволъ ищетъ піаныхъ, да пожретъ о горе піанымъ!“ Далѣе идетъ подробное описаніе того, какъ Ангелъ хранитель удаляется съ плачемъ, а бѣсъ веселится, говоря: „Яко николи же тако веселюся и радуюся о жертва поганыхъ человѣкъ, якоже о піанствѣ крестіанахъ, въ піаницахъ бо вся дѣла моего хотѣнья суть и лучшими піаницы запоицы отъ крестианъ, нежили отъ поганыхъ идоломолецъ, яко и поганые Бога соблюдаютъ. Азъ же радуюся о нихъ яко мои суть піаницы, а трезви Божіи. Рече бѣсамъ: идите, поучаите на пьянства крестиане и на всяку дѣтель моего хотѣнія“.

Интересно при этомъ, что Ѳеодосій не требуетъ абсолютнаго воздержанія, онъ осуждаетъ только тѣхъ, кто предается „злому запойству“, а не отъ питія иже въ подоб ное время.

Спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ знаменитой битвы на

[1]) Стоюнинъ. О. преподов. Русск. Лит. Стр. 64.

Калкѣ, во Владимірѣ былъ созванъ соборъ для рукоположенія Серапіона. Здѣсь же былъ поднятъ вопросъ о многихъ неурядицахъ, существовавшихъ на Руси и о распространеніи пьянства. Дѣятельнымъ ревнителемъ нравственности является Кириллъ, который, по словамъ нашего лѣтописца, проходя черезъ города и села „по обычаю своему учате, наказуяте и исправляете“ [1]). Работы было много. „Всюду встрѣчалъ онъ развалины жилищъ, храмовъ, обителей, не только бѣдствія и слезы соотечественниковъ, но къ сугубому прискорбію и разные безпорядки церковные и нравственные, вкравшіеся и утвердившіеся посреди всеобщаго растройства произведеннаго нашествіемъ Монголовъ [2]). Своими мыслями и наблюденіями Кириллъ хотѣлъ подѣлиться съ собравшимся клиромъ, возставая противъ „мздоимства, чародѣйства и пьянства“. „Пьяницы,—по его словамъ—всѣ отвергались, ибо лучше одинъ достойный служитель алтаря, чѣмъ тысяча беззаконныхъ“. Его энергическая проповѣдь дѣятельно призывала народъ къ покаянію въ виду близкой кончины міра. Это характерное убѣжденіе раздѣлялось почти всѣми, но не всѣ смотрѣли одинаково на пути спасенія. Въ то время, какъ одни сжигали „вѣщихъ женокъ“, топили ихъ въ водѣ, вырѣзали у нихъ куски мяса и прочіе, другіе бѣжали въ монастыри, третьи стремились спастись, соблюдая всѣ мелкія формальности, „вырывая изъ могилъ утопленниковъ и удавленниковъ“ и пр. Кириллъ проповѣдуетъ покаяніе, строгость къ себѣ и снисходительность къ паствѣ [3]). Ревностнымъ помощникомъ и единомышленни-

---

[1]) Изданія Ник. Лѣтописи, т. III, стр. 69.

[2]) Исторія русской церкви Макарія, т. VI, стр. 12.

[3]) Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интересно его обращеніе къ епископу Игнатію. Этотъ послѣдній, думая умилостивить Бога передъ страшнымъ судомъ, рѣшилъ не предавать христіанскому погребенію тѣло усопшаго князя Глѣба Васильевича, а въ наказаніе за грѣхи его вынести изъ собора и закопать въ землю: «Плачься, чадо», говоритъ Кириллъ Игнатію, и кайся до смерти своей о безстыдной дерзости: ты прежде суда Божія осудилъ уже скончавшагося, а отъ живого ты принималъ дары. Ты ѣлъ и пилъ съ нимъ, ты живалъ у него и веселился, когда можно было его исправить и нынѣ ли исправить хочешь мертваго жестокимъ отлученіемъ?»

комъ его является вновь рукоположенный Серапіонъ, который въ теченіе одного года (1274—1275) оставилъ нѣсколько назидательныхъ проповѣдей. Изъ нихъ до насъ дошло 5 словъ. Въ первомъ „Казни Божіи за грѣхи" авторъ является представителемъ крайне распространеннаго мнѣнія о томъ, что всѣ людскія бѣдствія есть ничто иное, какъ наказаніе за человѣческія слабости. Точка зрѣнія, которая проповѣдывалась одинаково, какъ древними іудейскими пророками, такъ и русскими и иностранными писателями, до Боссюэта включительно. Слова его имѣли, быть можетъ, успѣхъ именно потому, что онъ являлся выразителемъ общественнаго мнѣнія и облекалъ ихъ въ соотвѣтствующую форму, „ибо былъ",—по выраженію лѣтописца,—„зѣло учительнъ и силенъ въ божественномъ писаніи" [1]).

Спеціально для нашей цѣли, т. е. для историческаго очерка народнаго пьянства, большую цѣнность имѣетъ также его *второе слово,* обращенное къ паствѣ противъ худыхъ навыковъ. Начинается оно слѣдующими словами:

„Дѣти, я чувствую въ сердцѣ своемъ великую скорбь о васъ, ибо вовсе не вижу вашего обращенія отъ дѣлъ беззаконныхъ. Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, желая отвратить васъ отъ худыхъ навыковъ, но не вижу въ васъ никакой перемѣны". Обращаясь къ разбойникамъ, ворамъ и ненавистникамъ, Серапіонъ потомъ переходитъ къ пьяницамъ и говоритъ, что „скверн ословецъ и пьяница не отстаетъ вовсе отъ своей привычки [2]).

---

[1]) По этому поводу позволимъ себѣ указать на другое типичное сочиненіе этого столѣтія Авраамія Смоленскаго «О небесныхъ силахъ». Авторъ утверждаетъ, что люди созданы Богомъ спеціально для того, чтобы пополнить недостающее число отпавшихъ ангеловъ. Для этого Богу нужно 7,000 лѣтъ опредѣленныхъ заранѣе на существованіе человѣчества. Всѣ же бѣдствія являются наказаніями. «Къ сему велъ Господь человѣка древними казнями, къ сему ведетъ его искупленіемъ и ожиданіемъ страшнаго суда». См. подробности въ Историч. древн. русск. словесн. Шевырева, ч. III. стр. 15.

[2]) См. подробности въ трудѣ Макарія, т. V, стр. 7, 13.

Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, вновь собираются епископы въ Кіевѣ, вновь поднимаютъ вопросы о распространеніи пьянства и о мѣрахъ борьбы съ нимъ. Объ этомъ же трактуютъ и въ слѣдующемъ четырнадцатомъ вѣкѣ святители Фотій, Алексѣй, Петръ и нѣкоторые безыменные писатели. Они нерѣдко обращаются къ духовенству, коря его за нетрезвую жизнь, которая поселила соблазнъ въ мірянахъ, заставила ихъ отшатнуться отъ клира и образовать секту стригольниковъ, какъ живой протестъ существующимъ непорядкамъ [1]).

Отъ митрополита Фотія дошло до насъ восемь словъ, двадцать девять посланій и „Завѣщаніе", написанное передъ смертью [2]). Между этими памятниками важное значеніе имѣетъ его „Окружное посланіе ко всему священническому и иночесному чину". Авторъ останавливается на важности священническаго сана и на святости его обязанностей: „молю васъ о томъ, чтобы вы истрезвились, умѣряя себя во всемъ. Чтобы вы проповѣдывали евангельское ученіе, блюли себя по апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ и отвергали отъ себя всякую нечистоту и пьянство, помня слова божественнаго Павла „піаницы царствія Божія не наслѣдятъ" (I посл. къ Корин. 6, 10). Такіе же были и попеченія Фотія относительно монашествующаго духовенства, гдѣ „иноки предавались безчинному пьянству, на поруганіе всего священства и иночества" [3]). Не останавливаюсь здѣсь на этомъ вопросѣ, такъ какъ о значеніи нашихъ монастырей въ исторіи народной трезвости, будетъ говорено ниже.

Почти аналогичное содержаніе видимъ мы въ памятникѣ святителя Петра [4]). Коснувшись также важнаго значенія

---

[1]) См. Истор. русск. церкви томъ IV стр. 161. Макарія.

[2]) Въ этомъ очеркѣ я не останавливаюсь на критическомъ обзорѣ трудовъ Фотія и о томъ, на сколько они представляютъ изъ себя оригинальныя произведенія или переводныя. Интересующимся этимъ вопросомъ, могу указать на трудъ Антонія: Проповѣди Антонія, Арх. Финляндск. и Выборгск. 1895 г.

[3]) Слова Макарія. Томъ VI, стр. 225.

[4]) «Окружное посланіе къ попамъ». (Не слѣдуетъ смѣшивать съ такимъ же Окружн. посл., написаннымъ Кирилломъ II).—Выдержки взяты мною изъ сочиненія Макарія, томъ V).

церковнаго сана, онъ призываетъ священниковъ къ честному исполненію обязанностей, чтобы они могли назваться „истинными пастырями, а не наемниками, которые млеко ѣдятъ и волкомъ одѣваются, а объ овцахъ не пекутся“ (Іезекія 34; 3). „Прежде всего, — говоритъ онъ, — вамъ должно просвѣтиться кротостью и смиреніемъ; также блюстись отъ всѣхъ дѣлъ непристойныхъ, которыми міръ соблазняется. Отсѣките, дѣти, отъ сердецъ вашихъ всякія страсти пагубныя: ярость, зависть, ненависть и *піанство, которое есть корень* всему злу“. Дальше святитель совѣтуетъ ограждать дѣтей отъ дурного примѣра и отъ пьянства, да не будутъ они рабами грѣха“.

Объ этомъ же пишетъ и митрополитъ Алексѣй Московскій, оставившій три сочиненія [1]). Для насъ особенно важно его второе сочиненіе. „Смотрите, дѣти,—говоритъ онъ,— какой мятеонъ у насъ возсталъ въ сее время. Отъ чего намъ все это приключилось? Отъ нашей неисправности передъ Богомъ. Еще, дѣти, пишу вамъ о томъ, чтобы вы отсѣкли отъ себя корень зла, возбуждающій всякое беззаконіе, т. е. пьянство. Оно, во первыхъ, погубляетъ душу, отнимаетъ зрѣніе очей, тѣло дѣлается безсильнымъ, сокращаетъ жизнь тѣлесную, истребляетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, отдѣляетъ его отъ Бога и доводитъ его до нищеты душевной и тѣлесной. Смотрите же, дѣти, сколько зла въ пьянствѣ“. Интересно, какъ видимъ, что кромѣ нравственныхъ причинъ, митрополитъ Алексѣй останавливается и на физическихъ послѣдствіяхъ пьянства, „дѣлающаго тѣло безсильнымъ“.

Не лишено оригинальности также одно слово безыменнаго автора. По властности тона, потому что проповѣдникъ „велитъ градскимъ властелинамъ“ исполнять его предписанія, и по многимъ другимъ даннымъ можно су- о томъ, что составитель былъ не маловажное лицо, а по

[1]) Первое въ видѣ Окружнаго посланія, или поученія къ паствѣ. Второе къ правовѣрнымъ христіанамъ областей нижегородецкой и городецкой. Третье совершенно частное: посланіе въ Червлеань Яръ.

всему вѣроятію митрополитъ. Авторъ обращается къ христіанамъ, которые, „не творя воли Божіей, живутъ по язычески, въ пьянствѣ и другихъ злодѣяніяхъ“, за что Богъ посылаетъ казни, засуху, пожары и другія бѣды. Слово это въ высшей степени интересно въ бытовомъ отношеніи, потому что указываетъ на существованіе многихъ суевѣрныхъ обычаевъ, на леченіе чарами, на вѣру въ дурную встрѣчу и въ „бѣса, называемаго трясовицей“, для освобожденія отъ котораго пишутъ эллинскіе слова на яблокѣ и кладутъ его на престолъ во время службы“. Мы не приводимъ подробностей, хотя и весьма важныхъ, потому что онѣ не имѣютъ прямого отношенія къ настоящему труду, но интересующіеся могутъ ознакомиться по Исторіи церкви Макарія.

Такой же бытовой историческій характеръ носитъ еще одно слово, также неизвѣстнаго автора, который порицаетъ своихъ слушателей въ языческихъ дѣлахъ. Большинство изъ нихъ въ наше время не встрѣтило бы яркаго осужденія, но авторъ сваливаетъ все въ одну кучу: гнѣвъ, зависть, пьянство, блудъ, и на ряду съ этимъ—„плясаніе, плесканіе руками и сатанинскіе пѣсни“. Его возмущаютъ позднія прогулки на улицѣ, хожденье „на бесѣды и на игрища“. „Или, если случится пить, то не спити вы и ночи, творя пагубно“. Всѣ такія дѣла называетъ онъ „замышленіемъ сатаны“. Въ своемъ ревностномъ, аскетическомъ стремленіи, проповѣдникъ возмущается даже тѣмъ, что люди занимаются наукой, а не писаніями пророковъ. „Еще кто вопроситъ, какъ жили пророки и апостолы, и что творили, и сколько было пророковъ и апостоловъ, то они не знаютъ и не умѣютъ, что сказать. А если спросятъ *о коняхъ и о птицѣ, или о чемъ иномъ—они философы и хитрецы*“ [1]).

Мы видимъ изъ этихъ наивныхъ жалобъ безпомощное

---

[1]) Это интересное обвиненіе помѣщено въ трудѣ Макарія и заимствовано изъ сборника Новгородск. Соф. Библ. XIV и XV в. По старому каталогу № 94. Напечатано также въ ж. М. Н. П. 1854 г. Декабрь П. «Слово о Христіанствѣ».

состояніе проповѣдниковъ, которымъ были чужды житейскіе радости и интересы. Они стояли особнякомъ, и какъ ни громили они свою паству за ихъ приверженность ко всему земному, а не къ небесному, но жизнь была сильнѣе схоластики и проповѣди эти не производили желаннаго дѣйствія. Быть можетъ, большимъ успѣхомъ пользовались сочиненія, не носящія такого строгаго аскетическаго характера.

Исторія „о водочкѣ сладкой“ тѣсно связана съ вымысломъ, съ миѳическими сказаніями, пріурочивающими ея изобрѣтеніе къ божеству. Свѣтовичъ, держащій рогъ съ виномъ—является однимъ изъ наиболѣе древнихъ олицетвореній плодородія.

Само названіе eau de vie, aqua vitae свидѣтельствуетъ о жизненной силѣ этого напитка. „Миѳическимъ значеніемъ меда, вина и пр. объясняются многіе обряды. Съ напитками этими соединяли ту же идею плодородія, здравія, богатства, что и съ дождемъ, а потому волосы жениха и невѣсты смачивали медомъ, а во время вѣнца заставляли молодую чету пить вино. Какъ метафорическія названія „живой воды“, вино сдѣлалось „эмблемой воскресенія“. Аѳанасьевъ приводитъ массу народныхъ сказаній и повѣрій, въ которыхъ фигурируетъ вино, на праздникахъ Каляды, въ Свѣтлое Воскресенье, на Ѳоминой, въ Рождество Христово, при родительскихъ поминаніяхъ, при похоронахъ. Всѣ эти остатки старины свидѣтельствуютъ о томъ, что вино, также, какъ пиво, медъ, квасъ—являются въ языческомъ мірѣ олицетвореніемъ живительныхъ силъ природы, т. е. эмблемами воскресенья.

Впослѣдствіи, когда всѣ языческія повѣрья и обряды смѣшались съ христіанскимъ ученьемъ — значеніе вина должно было видоизмѣниться. Духовенство не могло поощрять миѳическіе вымыслы. Все что носило подобный характеръ, являлось грѣховнымъ, подвергалось осужденію, искорененію. Въ апокриѳическомъ сказаніи Меѳодія Батарскаго говорится о томъ, какъ дьяволъ помогъ женѣ Ноя

напоить его и вывѣдать у него тайну о приготовленіи ковчега. „Испивъ же три чаши и возлеже опочити, яко же веселъ сотворился Ной. Она же нача ласковыми словами вопрошати его“. Воспользовавшись сообщеными свѣдѣніями, жена Ноя передала о томъ дьяволу и онъ тотчасъ раззорилъ начатый ковчегъ.

Сказаніе это характерно потому, что взглядъ на вино существенно видоизмѣнился. Это не веселящій даръ боговъ, а дьявольское зелье, употребляемое врагомъ человѣка на его погибель. Еще замѣчательнѣе, въ этомъ отношеніи, легенда о первомъ изобрѣтателѣ вина, который обязательно является въ образѣ бѣса. Онъ же воспользовался Воскресеньемъ Христовымъ, чтобы курить вино изъ зерна... Приводимъ дословно одно изъ такихъ преданій, занесенное въ книгѣ Афанасьева [1]). „Жилъ былъ мужикъ, взялъ чуть-ли не послѣднюю краюшку хлѣба и поѣхалъ на пашню. Пока онъ работалъ, пришелъ чортъ и утащилъ хлѣбъ. Захотѣлось мужику обѣдать — глядь, краюшки нѣтъ! Чудное дѣло,—сказалъ онъ,— никого не видалъ, а краюшку кто-то унесъ. А на здоровье ему! Пришелъ чортъ въ пекло и разсказалъ о всемъ набольшему дьяволу. Не понравилось сатанѣ, что мужикъ не только не ругнулъ вора, а еще пожелалъ ему здоровья и послалъ онъ чорта назадъ: ступай, заслужи мужикову краюшку. Обернулся чортъ добрымъ человѣкомъ и присталъ къ мужику въ работники: въ сухое лѣто засѣялъ ему цѣлое болото. У другихъ крестьянъ все солнцемъ сожгло, а у него уродился знатный хлѣбъ. Въ мокрое, дождливое лѣто—засѣялъ по отлогимъ горамъ. У другихъ весь хлѣбъ подмокъ и пропалъ, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда дѣвать хлѣбъ! Чортъ и принялся за выдумки: давай затирать и высиживать горькуху, и таки ухитрился. Послѣ него и пошла она окаянная гулять по свѣту“ [2]).

---

[1]) Поэтич. воззр. Слав. на прир. стр. 380.

[2]) Это преданіе и послужило канвою для прекрасной комедіи Льва Толстого: «Первый винокуръ; или какъ чертенокъ краюшку заслужилъ».

Татары приводятъ то же сказаніе съ слѣдующимъ дополненіемъ: выкуривъ вино, чортъ прибавилъ крови лисьей, волчьей и свиной. При небольшомъ употребленіи вина—человѣкъ смотритъ лисой, потомъ свирѣпѣетъ, какъ волкъ и, наконецъ, уподобляется свиньѣ. Мы не увеличиваемъ числа этихъ примѣровъ, потому что во всѣхъ версіяхъ о происхожденіи водки сказывается одинъ изъ двухъ взглядовъ: божественная, миѳическая сила въ древне языческихъ легендахъ и дьявольское навожденіе въ слѣдующую эпоху, т. е. во время двоевѣрія, также какъ и въ христіанскій періодъ. Въ первобытныхъ сказаніяхъ вино — даръ боговъ, въ позднѣйшихъ—орудіе бѣса, созданное на пагубу людей. Это послѣднее мнѣніе проводитъ черезъ всю дальнѣйшую исторію страны и находитъ особенно благодарную почву съ возникновеніемъ московскаго государства, когда вино является, какъ мы увидимъ впослѣдствіи народнымъ бѣдствіемъ, причиной раззоренья и несчастья. Раньше ничего подобнаго не былы.

Переходимъ къ позднѣйшимъ изслѣдованіямъ. Они касаются тѣхъ или другихъ историческихъ данныхъ, которыя связаны съ употребленіемъ вина. Миѳическія сказанья народныя легенды, басни и вымыслы — уступаютъ мѣсто точнымъ, опредѣленнымъ историческимъ памятникамъ, записямъ лѣтописей, юридическимъ документамъ. На основаніи всего этого матеріала, Прыжовъ приходитъ къ выводу о громадномъ значеніи напитковъ въ исторіи русскаго народа, какъ элемента „соціальнаго", „культурнаго", объединяющаго мужчинъ и женщинъ различныхъ сословій въ одной дружеской общественной бесѣдѣ. Можно согласиться или нѣтъ съ подобнымъ мнѣніемъ, но несомнѣнно надо прійти къ другому выводу, дѣлаемому Прыжовымъ о томъ, что нигдѣ въ древней Руси не сохраняется указаній на „пьянство" въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается нами теперь. Напротивъ того, вынесши употребленіе вина изъ своей первоначальной родины изъ страны древнихъ арійцевъ, славяне съ любовью и благодарностью

говорятъ о напиткахъ, пріурочиваютъ ихъ къ божественной влагѣ, сравниваютъ съ благодарнымъ весеннимъ дождемъ, пробуждающимъ природу отъ смерти. И боги, и вся природа живутъ одной жизнью съ людьми. Они радуются надъ его счастьемъ, горюютъ его невзгодами, пируютъ на свадьбахъ, участвуютъ на тризнахъ и похоронахъ, гдѣ имъ воздаютъ должное возліяніе. Подобный взглядъ несовмѣстимъ съ мрачнымъ характеромъ пьянства, которое топитъ въ винѣ честь, совѣсть и счастье своихъ ближнихъ. По этому одному—можно было бы съ достовѣрностью сказать, что неправы тѣ, кто приписываетъ нашему народу слишкомъ тысячелѣтнее пристрастіе къ спирнымъ напиткамъ. Болѣе справедливъ взглядъ лѣтописца на вино, какъ на элементъ возбуждающій веселье.

Помимо этого значенья,—напитки играютъ еще важную роль въ исторіи русскаго народа, какъ предметъ дохода. Къ этому „экономическому значенію"—мы и переходимъ.

Широкое распространеніе напитковъ вызвало установленіе пошлинъ на медъ, хмель и солодъ. Платились онѣ или деньгами, или натурою. Лѣтописи сохранили указаніе на Древлянъ, которые съ 1096 года были принужденны платить дань медомъ. Договорныя грамоты князей въ Кіевѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Ржевѣ и проч. прежде всего устанавливаютъ пошлины и право народа на свободную варку меда и вина. „Владимірскій князь Мстиславъ Даниловичъ въ 1289 г. за крамолу жителей города Бреста наложилъ на нихъ дань, въ число которой шло, между прочимъ, со ста по двѣ луконѣ меду". Въ Новгородѣ, въ договорахъ, по которымъ принимали князей, помѣщались и условія на право варить медъ. Такъ продолжалось до Ивана Васильевича, которому Новгородцы говорили: „и въ Ладогу вамъ слати медовары по старымъ грамотамъ, по хрестнымъ" [1]).

Одновременно съ пошлиной на медъ существовала и дань съ хмеля и солода. На Западѣ упоминается о хмелѣ

---

[1]) Прыжовъ, стр. 18, 19 и слѣдующ.

и въ памятникахъ VIII вѣка, а у насъ о томъ же говорится въ Лѣтописи древняго Новгородскаго списка. Жители вмѣстѣ съ воскомъ и медомъ отправляли за море хмель, собираемый въ землѣ Тверской и Суздальской. Лѣтописцы часто сѣтуютъ на дороговизну хмеля, такъ какъ въ связи съ этимъ вопросомъ является пониженіе дохода той или другой области. Они всегда заботливо сообщаютъ о цѣнѣ на него, о пошлинахъ, или „медовой дани", о договорахъ князей, касающихся этого вопроса и т. д. „Подать съ солода, какъ говоритъ Прыжовъ [1]) извѣстна по памятникамъ съ XI вѣка. Въ Русской Правдѣ, въ статьѣ о вирахъ, установлено, „а се поклоны вирные были при великомъ князе Ярославѣ, вирнику взяти семь ведеръ солоду на недѣлю". Мастеру того времени, укрѣплявшему городъ, кромѣ платы и денегъ на кормъ и на питье, давали еще солоду для пива „а солоду ему единое дадутъ 10 луконъ", (Русск. Правда, изд. 1717 г. 37). Говоря объ этихъ даняхъ писцевыя книги всегда прибавляли „а се по старинѣ" и руководствуясь этимъ стариннымъ правомъ еще въ началѣ XVI вѣка, т. е. до появленія кабаковъ жила вся Русская Земля и т. д.

Разсматривая всѣ договоры о медѣ, солодѣ и хмелѣ мы видимъ, что народъ жилъ безбѣдно, свободно и спокойно.

Князь получалъ только „брашную пошлину" и не стѣснялъ никого въ производствѣ напитковъ, одинаково распространенныхъ въ богатыхъ и въ бѣдныхъ семьяхъ. Помимо такого употребленія, съ давнихъ поръ мы видимъ у Славянъ существованіе отдѣльныхъ домовъ, гдѣ сходились за общимъ столомъ поговорить о тѣхъ, или другихъ дѣлахъ. Стремленіе къ общительности нашло отголосокъ въ устройствѣ древней корчмы, которая существенно отличалась отъ кабака. Сюда часто приходили даже молодыя дѣвушки, и подобный поступокъ не считался зазорнымъ или предосудительнымъ. Напротивъ того, нерѣдко про-

---

[1]) Прыжовъ, стр. 21.

славленные народные герои были въ дружбѣ съ содержательницами корчмы. Знаменитый Марко Королевичъ, былъ спасенъ корчмаркой Ангелиной. Въ томъ же юго-славянскомъ эпосѣ говорится о ней съ признательностью, такъ какъ она содѣйствовала сватовству героя, женившагося на дочери болгарскаго царя Шашмака. Если бы корчма была мѣстомъ пьянаго разгула, то народная фантазія не создала бы такого свѣтлаго образа какъ Ангелина,—другъ любимаго героя Марка Королевича.

Что-же такое корчма?

Какъ показываетъ происхожденіе слова „корчма вмѣсто кормча" было мѣсто, куда сходились для ѣды и питья. Тутъ-же говорили объ общественныхъ дѣлахъ. У западныхъ Славянъ судьи разбирали здѣсь тяжбы, герои совѣщались о походахъ, частныя лица говорили о дѣлахъ своихъ. Древняя корчма была вѣрная выразительница общественнаго мнѣнія. Она интересовалась всѣми извѣстіями о народныхъ бѣдствіяхъ и радостяхъ. Такъ напр. Мартинъ Галлъ въ хроникѣ XV вѣка упоминаетъ о томъ, какъ при смерти Болеслава Храбраго nullus citharae sonus audiebatir in tabernis. По всему вѣроятію, такой отзывчивостью къ народнымъ бѣдствіямъ отличалась корчма и въ прежнее время, хотя мы и не имѣемъ точныхъ указаній по этому поводу.

О томъ, какъ она постепенно преобразовалась въ кабакъ—будетъ указано дальше. Теперь-же, съ чувствомъ невольнаго сожалѣнія оглядываемся на мирную патріархальную картину народнаго веселья въ дружномъ единеніи высшихъ классовъ съ сѣрымъ людомъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи корчма вытѣснена была кабакомъ. Личное пьянство замѣнило дружескую бесѣду. Замолкли пѣсни и струнные инструменты, и только дикіе вопли пьянаго разгула стали раздаваться по всѣмъ гостепріимнымъ кабакамъ, которые такъ прочно основались въ различныхъ уголкахъ нашей родины.

Мы видѣли, какъ мало-по-малу, неясныя олицетворенія плодотворныхъ силъ природы уступаютъ мѣсто реаль

нымъ фактамъ. Медъ, вино, пиво, брага—представляютъ уже не дождь, росу, влагу, тучи,—а дѣйствительные напитки, за которые платятъ виры и пошлины. Уплативши ихъ, каждый могъ безпрепятственно употреблять ихъ и торговать ими по своему усмотрѣнію. До XII столѣтія, при подобной свободѣ, нигдѣ не упоминается о злоупотребленіи напитками. На нихъ смотрятъ какъ на источникъ веселья и благосостоянія, а не какъ на орудіе зла. Даже въ позднѣйшую эпоху, инокъ Зиновій опровергаетъ апокрифическое сказаніе о хмелѣ, какъ о дѣяніи дьявола и называетъ „божьей травой“. Первоначально же, когда не было пьянства, не могло быть и гоненія на этотъ предметъ [1]. Вотъ почему и Прыжовъ [2]) приписываетъ напиткамъ „культурное значеніе“. Мужчины и женщины сходятся вмѣстѣ, „скрѣпленная веселіемъ и любовью двигается впередъ соціальная жизнь народа, возникаютъ братчины. Питейный домъ, или корчма дѣлается центромъ общественной жизни“.

Ошибочно было бы смотрѣть на *корчму*, какъ на прототипъ познѣйшаго кабака. Здѣсь передавались тѣ или другія политическія новости, пристава сообщали о своихъ рѣшеніяхъ народу. Тяжущіеся приводили сюда своихъ свидѣтелей. Народные герои обдумывали планы военныхъ дѣйствій. Съ какимъ почетомъ относятся къ корчмарямъ и корчмаркамъ, можно видѣть изъ сказанія о прекрасной Ангелинѣ, подругѣ Марка Королевича, которая устраиваетъ его бракъ съ дочерью болгарскаго короля Шашмака! Вѣрная выразительница общественнаго настроенія,—корчма ликуетъ въ дни народнаго веселья и глубоко скорбитъ въ годины бѣдствій. Иностранный писатель Мартинъ Галлъ свидѣтельствуетъ о полной свободѣ и непринужденности

---

[1]) „Хмель нѣсть отъ бѣсе, яко бѣсъ творите не можетъ ничего же—едино мечты. Хмель же Божія трава рекшаго «да произростетъ земля быліе травное». Проявлено же убо, яке тогда и хмель проросте“ (Сборникъ Павла Николаевскаго «Русскіе проповѣдники»).

[2]) Исторія кабака, стр. 7.

древне-русской южной корчмы. Эти симпатичныя черты и до сихъ поръ сохранились у болгарскаго народа и въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ губерніяхъ [1]).

Послѣ XII вѣка мало-по-малу большіе участки земли переходятъ въ руки свѣтскихъ и духовныхъ князей. Они стремятся монополизировать право продажи напитковъ и тогда начинаются гоненія на „taberna eibera“. Конечно, дѣлается это не сразу: народъ не хочетъ отказаться отъ того права, которое изстари привыкъ считать законнымъ и неотъемлемымъ. Вотъ почему все чаще и чаще раздаются жалобы на тайную продажу вина и гоненія на „taberna accueta“. Ограниченія въ продажѣ напитковъ стѣсняло свободное проявленіе общественной жизни, которое было сильно развито въ юго-западной Руси. Нѣсколько иначе стояло дѣло на сѣверѣ. Здѣсь не было такой потребности въ соціальной жизни, и корчма не имѣла общественнаго характера, хотя и находилась въ вѣдѣніи городскихъ общинъ, а не князей. Изъ историческихъ документовъ, дошедшихъ до насъ, можно съ достовѣрностью сказать, что князья долгое время ничѣмъ не стѣсняли корчемниковъ. Если и признать, что въ южной Руси административныя ограниченія вызвали тайную продажу вина и впослѣдствіи даже пьянство, то на сѣверѣ порокъ этотъ возникъ при совершенно другихъ условіяхъ исторической жизни. Какіе же факты и событія вызвали это печальное явленіе?

Мы видѣли, что до XII вѣка включительно, не было пьянства въ Россіи. Мирно и спокойно крѣпла національная жизнь и народное самознаніе. Но вотъ нахлынули грозныя татарскія силы, заполонили родину нашу и спутали всѣ нравственныя и правовыя понятія. Мы сошлемся только на одну небольшую пѣснь, которая является въ высшей степени типичной для характеристки этой эпохи. Въ ней гово-

---

[1]) Любопытныя свѣдѣнія о старовѣрческихъ празднествахъ въ корчмахъ Витебской губерніи находится въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 г.

О свободномъ характерѣ малороссійской корчмы, какъ объ остаткѣ сѣдой старины,—упоминается подробно въ журналѣ «Основа» 1861 и 1862 гг.

рится о томъ, какъ татаринъ привезъ своей женѣ русскую няню. Качая младенца она поетъ: „Ты по батюшки—злой татарченокъ, по матушкѣ—милъ внученокъ“ [1]). Что можно представить ужаснѣе и нелѣпѣе подобнаго порядка: мать—рабой у собственной дочери, няньчитъ внука, отецъ котораго—врагъ церкви и родины! Всѣ понятія перепутаны, религія попрана, вѣковыя традиціи нарушены! Не видя исхода, народъ обращается къ вину, какъ къ единственному утѣшителю въ эти дни скорби и печали. При такихъ обстоятельствахъ, все чаще и чаще раздаются голоса о распространеніи пьянства, о которомъ никогда не могло быть и рѣчи въ историческихъ документахъ до монгольскаго періода.

Тщательно просматривая сборники древнѣйшей письменности въ крайне обстоятельномъ очеркѣ г-на Георгіевскаго, можно встрѣтить только двѣ коротенькія замѣтки о пьянствѣ. Это у епископа Луки и у автора „Слова нѣкоего старца“. Оба замѣчанія носятъ характеръ предупредительный, но не свидѣтельствуютъ о злоупотребленіяхъ напитками. „Святыхъ праздники чести, а самъ не упивайся, ни алчныя и жадныя накормляй“. Вотъ все, или почти все, что можно почерпнуть у древнихъ праведниковъ. Очевидно, что пьянства въ это время не было.

Съ нашествіемъ татаръ рѣзко измѣняются нравы. Гдѣ начинается и гдѣ кончается ихъ вліяніе—сказать невозможно. „Crattez le russe—говоритъ французская поговорка, — vous trouverez le tartare“. Въ названіяхъ одежды, въ предметахъ домашней обстановкѣ слышатся монгольскія слова. До этого въ русской рѣчи не было такихъ милыхъ выраженій, какъ: „дура“, „кандалы“, „катъ“, „кнутъ“, „кабакъ“ и проч. Все міросозерцаніе подвергалось измѣненію, жизнь по правдѣ, по старинѣ—вытѣснилась битьемъ и ругательствомъ. А татарское характерное слово: „бей“, „колоти“, т. е. „ура“,—

[1]) Взято изъ пѣсенъ Саратовской губ. изъ сборника Мордовцева и Костомарова.

является неразрывнымъ спутникомъ всякаго народнаго ликованія.

Такимъ образомъ обстоятельства, сопровождавшія монгольскій періодъ, были особенно благопріятны для распространенія пьянства. Правда, ханы не додумались смотрѣть на вино, какъ на источникъ дохода, но они разорили нашу родину, они пришибли народное самосознаніе, они способствовали потери нравственности и надолго привили вкусы и привычки некультурныхъ людей. Наступившій послѣ этого московскій періодъ нашелъ крайне подготовленную почву для насажденія кабака. Широко открылись гостепріимныя двери питейныхъ домовъ и полился пьяный разгулъ во всей Россіи!..

До 1389 года питейная продажа въ Россіи была вольная; но въ упомянутомъ году татарскіе ханы, подъ игомъ которыхъ была тогда Россія, „всякихъ крѣпкихъ напитковъ употребленіе и продажу накрѣпко запретили“. Это продолжалось даже до царствованія Іоанна Грознаго, когда этотъ государь въ 1547 году дозволилъ для своихъ опричниковъ построить въ Москвѣ, на Балчугѣ *), первый кабакъ. Но отвычка русскихъ отъ употребленія вина была такъ велика, что произвела въ народѣ ропотъ. Въ силу этого, преемникъ Грознаго, царь Ѳедоръ Іоанновичъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ и уничтожилъ этотъ кабакъ; но царь Борисъ Годуновъ, не желая лишать государство доходовъ, велѣлъ вновь выстроить кабакъ. Народъ хотя и роптал, но уже меньше, и впослѣдствіи Москва, послѣ долгаго колебанія, съ легкой руки опричниковъ, начала испивать первая и до того испивать, что нашему посольству, бывшему въ Испаніи въ 1667 г., показалось за диковину, что оно не встрѣчало на улицахъ Мадрида пьяныхъ. Вотъ какъ объ этой диковинѣ записано въ статейномъ спискѣ посольства: „гишпанцы не упьянчивы: хмѣльного питья пьютъ мало и ѣдятъ по малу-жъ. Въ гишпанской

*) Балчугомъ и теперь въ Москвѣ называется мѣсто между Москворѣцкимъ и Цѣпнымъ мостами. Новое татарское слово „Кабакъ“ вводитъ Іоаннъ Грозный, которое замѣняетъ собою названіе постоялаго двора.

землѣ будучи посланники и всѣ посольскіе люди въ семь мѣсяцевъ не видали пьяныхъ людей, чтобы по улицамъ валялись или, идучи по улицѣ, напився пьяны кричали".

Что же касается до знатныхъ россіянъ, то они не считали предосудительнымъ напиваться до потери сознанія и съ опасностью потерять жизнь. Царскіе послы, ѣздившіе за-границу, изумляли иностранцевъ своею неумѣренностью. Одинъ русскій посолъ въ Швеціи, въ 1608 г., въ глазахъ чужестранцевъ, обезсмертилъ себя тѣмъ, что напился крѣпкаго вина и умеръ отъ этого. Какъ вообще русскій народъ былъ жаденъ къ вину, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее историческое событіе: во время бунта въ Москвѣ, когда были убиты Плещеевъ, Чистовъ и Траханіотовъ, случился пожаръ. Очень скоро дошелъ онъ до главнаго кабака... народъ бросился туда толпою; всѣ спѣшили черпать вино шапками, сапогами, всѣмъ хотѣлось напиться дарового вина; забыли и мятежъ; забыли и тушить пожаръ; народъ валялся пьяный мертвецки благодаря чему мятежъ прекратился и большая часть столицы превратилась въ пепелъ.

Находившіеся въ теченіи почти трехсотъ лѣтъ, подъ тяжелымъ бременемъ налоговъ и рабства дикаго, чужого народа, предки наши не могли оставить привычки къ хмельнымъ напиткамъ и эту горькую чашу они пили до дна, оправдывая себя душевнымъ страданіемъ отъ горя—ига татарщины.

Когда Олеарій въ 1633 г. пріѣхалъ въ Россію, то во всѣхъ городахъ и селеніяхъ находились уже кабаки, называвшіеся тогда кружечными дворами, отъ слова кружка которыми продавалось вино. Такіе кружечные дворы отъ казны въ первый разъ заведены въ Сибири въ 1617 г. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, видя, что многіе отъ питья водки, впадаютъ въ бѣдность, уничтожилъ кабаки и завелъ родъ конторъ, въ которыхъ продавать вино позволилъ не-иначе, какъ въ большомъ количествѣ; но и это не помогло, и, какъ говоритъ Олеарій, многіе семьями и об-

ществами покупали вино, дѣлили его и пьянствовали по-прежнему. Царь Алексѣй Михайловичъ продажу крѣпкихъ напитковъ отдалъ опять на откупъ и повелѣлъ имѣть кабаки по всѣмъ городамъ по одному, а въ Москвѣ три, а затѣмъ число послѣднихъ значительно увеличилось. Въ старыя времена продажа вина была ограничена количествомъ, временемъ и сословіями, которымъ позволялось покупать вино. Была опредѣлена мѣра, больше которой нельзя было продать въ одинъ день вина одному человѣку. Въ посты и еженедѣльные постные дни продажи вина не было и кабаки запирались. Это постановленіе существовало до 1698 г., когда Петръ Великій ограничилъ запрещеніе продажи вина одною страстною недѣлею.

Широкою волною обильнаго потока началось потребленіе водки въ XVI столѣтіи и потребленіе это проникало во всѣ слои населенія. До этого періода собственно говоря „водка" потреблялось населеніемъ въ незначительномъ количествѣ; ее замѣняли пиво, медъ, брага и иностранное вино. Въ XVI же вѣкѣ она проникаетъ къ намъ съ запада и, вытѣснивъ всѣ прочіе напитки, сдѣлалась важной статьей государственнаго дохода; торговля ею перешла въ руки правительства и на Руси появился „царевъ кабакъ" съ его головами и цѣловальниками. Эти служители Бахуса, въ огражденіе себя отъ отвѣтственности за недоборъ въ казнѣ, употребляли всѣ средства для спаиванія народа, вслѣдствіе чего пьянство въ то время разпространилось по Руси въ необычайныхъ размѣрахъ. При Иванѣ Грозномъ, когда Москва, какъ столица, стала центромъ политики, торговли всего русскаго государства и въ тоже время центромъ раздоровъ и смутъ, войны и мира—пьянство и разгулъ составляли обычное явленіе. Къ тому же уличная жизнь обширной и многолюдной, уже въ то время, Москвы развилась быстро и непомѣрно и почти на каждой ея улицѣ открыты были заведенія подъ названіями: кабакъ, корчма, шинокъ и кабацкая баня, съ спеціальною продажею крѣпкихъ напитковъ и водки, куда съ неудержимою силою

стремился разный людъ, безотчетно отдаваясь пьянству, разгулу и безобразію. Заведенія эти являлись какъ бы мѣстами для народнаго развлеченія, которыхъ тогда не было и въ тоже время явились мѣстомъ разнаго рода притоновъ и сборищъ празднаго люда и любителей острыхъ ощущеній. Кабаки эти являлись соблазномъ для населенія и изъ среды посѣтителей этихъ кабаковъ выработались кабацкіе ярыги, воры, разбойники, бродяги и всякій темный сбродъ нищихъ, пропивавшихъ все до послѣдней рубахи. Вліяніе кабака со всѣми его ужасами въ эту смутную эпоху жизни государства и его столицы губительно отразилось и на крестьянскомъ населеніи подгородныхъ селъ столицы. Постоянный отливъ и приливъ этого населенія знакомился со всѣми прелестями кабака, шинковъ и съ веселымъ дѣйствіемъ „зеленаго змія", и эту заразу разносилъ по своимъ роднымъ деревнямъ и селамъ. Чарка „зелена вина" стала излюбленнымъ напиткомъ крестьянской Руси и алкоголизація населенія явилась результатомъ правительственнаго взгляда на экономическое и финансовое значеніе кабака.

Московское правительство со времени Іоанна III усмотрѣло въ водкѣ особую доходную для государства статью и торговля водкой сдана была на откупа частнымъ лицамъ.

Эта правительственная мѣра достигла блестящихъ результатовъ и Москва, гдѣ впервыя она была введена, переполнилась кабаками разнаго типа, а изъ Москвы эта откупная система перешла и въ глубь страны.

На ряду съ цѣлями чисто фискальными, правительство и въ ту пору, какъ и нынѣ, при введеніи винной монополіи, задавалось и нравственными задачами—ослабить силу и размѣръ народнаго пьянства.

Такъ напр., первые московскіе князья, начиная съ Іоанна Калиты, боролись съ народнымъ пьянствомъ. Іоаннъ III разрѣшалъ употреблять хмельные напитки только по праздникамъ. Василій III, чтобъ оградить москвичей отъ соблазна пьянства, устроилъ отдѣльную слободу для иностранцевъ, а по взятіи Новгорода топилъ кабатчиковъ въ Волховѣ.

Но все же продажа крѣпкихъ напитковъ въ пользу казны, которая получила начало при Іоаннѣ III, конечно, не могла вліять на уменьшеніе пьянства, такъ какъ кабацкіе головы, они же бургомистры, главнымъ образомъ заботились о томъ, чтобы отъ кабаковъ была „Государевой казнѣ прибыль“.

При Іоаннѣ Грозномъ, согласно постановленію Стоглаваго Собора, былъ принятъ рядъ мѣръ противъ народнаго пьянства. Но во второй періодъ своего царствованія, Іоаннъ Грозный началъ жаловать своихъ приближенныхъ правомъ открытія кабаковъ, устроилъ для своихъ опричниковъ царскій кабакъ, и въ цѣляхъ фиска сдавалъ кабаки на откупъ.

Борисъ Годуновъ въ 1598 запретилъ частнымъ лицамъ торговать водкой, и въ городахъ были открыты „царскіе кабаки“.

При Алексѣѣ Михайловичѣ съ 1649 г. продажа вина, пива и меда были обращены въ исключительное право казны. При немъ же съ 1652 года кабаки начали въ малыхъ селеніяхъ закрываться въ посты и праздники и больше одной чарки никому не продавалось. Тогда же царевы кабаки были переименованы въ „кружечные дворы“. По иниціативѣ патріаха Никона, правительство впервые признало нужнымъ ограничить ужасающіе размѣры пьянства, и съ этой цѣлью, на бывшемъ въ 1652 г. соборѣ о кабакахъ, постановило: прибавить по одной чаркѣ человѣку, и болѣе той указаной чарки одному человѣку не продавать, а на кружечныхъ дворахъ и близко двора, питухамъ сидѣть и пить имъ давать не велѣно. Неизвѣстно какихъ результатовъ достигло правительство этой мѣрой. Черезъ семь лѣтъ, въ 1659 г. въ отмѣну постановленія собора 1652 года въ царской грамотѣ на Двину послѣдовало новое распоряженіе о томъ „чтобы Великаго Государя казнѣ учинить прибыль и питуховъ съ кружечнаго двора не прогонять“. Такимъ образомъ правительство пришло къ заключенію, что запретительный законъ 1652 ослабилъ доходы

„Царской казны“, и черезъ 7 лѣтъ постановленія Собора отмѣняются.

До Петра Великаго вѣдомство питейной продажи и сборъ казенныхъ отъ нея доходовъ былъ раздѣленъ между многими „приказами“, которые управляли отдѣльными областями Государства Московскаго. Подъ главнымъ вѣдѣніемъ приказа, управленіе виннымъ дѣломъ принадлежало въ областяхъ царскимъ намѣстникамъ, а въ волостяхъ—волостелямъ, которымъ были подчинены „кабацкіе головы“ съ своими товарищами. Въ распоряженіи головъ были „кабацкіе цѣловальники“ двухъ разрядовъ: „ларешные“ цѣловальники, занимавшіеся приготовленіемъ вина, и „рядовые“ цѣловальники, которые продавали вино. Слово „цѣловальникъ“ въ старину имѣло другой смыслъ, чѣмъ теперь, это не былъ собственно сидѣлецъ кабака; въ древности, какъ говоритъ князь Щербатовъ, были нѣкоторые холопи и другого званія люди, которые платили дань опредѣленнымъ для сбора чиновникамъ, но какъ дань не была приведена въ извѣстность, то собиратели ея должны были присягать или цѣловать крестъ въ томъ, что все, что они соберутъ, доставятъ безъ утайки своему государю.

Намѣстники и волостели имѣли главный надзоръ надъ казенными винными сборами. На нихъ возлагалась обязанность предслѣдовать корчемство или частную торговлю виномъ ко вреду казны. Они также должны были защищать своихъ кабацкихъ головъ и кабацкихъ цѣловальниковъ. Сохранилось любопытное постановленіе, въ которомъ рекомендовалась властямъ забота о томъ, чтобы головы и цѣловальники, будучи у кабацкаго сбора, были безстрашны. Они тоже собирали отъ послѣднихъ деньги и хранили ихъ до отсылки въ столицу. Имѣя главное наблюденіе надъ винною торговлею, намѣстники и волостели отвѣчали за недоборъ кабацкихъ денегъ, а если когда собирали болѣе предыдущаго времени, или противъ своихъ предшественниковъ, то въ награду за свое радѣніе къ прибыли великокняжеской и царской казны получали отъ государя мило-

стивые грамоты: „И мы, великій государь (было писано въ грамотѣ) за вашу вѣрную службу и радѣніе жалуемъ, милостиво похваляемъ и во всемъ бы вы были надежны на царскую милость, а служба ваша у государя забвенна не будетъ“ [1]).

Отъ избираемаго въ должность кабацкаго головы требовалась грамотность, составлявшая въ то время достояніе немногихъ, затѣмъ доброе поведеніе и богатство. Состоя хотя въ завѣдываніи намѣстниковъ и волостелей, кабацкіе головы иногда по должности своей относились непосредственно къ государю. Поступая на службу, они давали присягу на вѣрность службы. Сохранилась довольно любопытная присяга такихъ лицъ, въ которой они, цѣлуя святой и животворящій крестъ Господень, клялись,—будучи въ кабацкихъ головахъ, „беречь казну съ великимъ радѣніемъ, кабацкимъ сборомъ не корыствоваться, питья даромъ и малою цѣною въ накладъ себѣ не имать и своего питья, вмѣсто государева питья, на кабакахъ не продавать, лишнихъ денегъ на питуховъ не насчитывать и тѣхъ питуховъ съ кабаковъ не отчаливать, ни государевыхъ кабацкихъ печатныхъ мѣръ винныхъ ведръ, кружекъ и чарокъ и полукружекъ не убавлять и не перемѣнивать, продавать питья въ государевы печатныя мѣры правдою“; также вмѣнялось имъ крѣпко смотрѣть за цѣловальниками: чтобы „клали деньги за головину печать въ ящики, а мимо ящиковъ государевыхъ денегъ никуда не клали, и въ питья не метали, а лишнихъ пошлинъ и у питья на питухѣхъ попойныхъ денегъ не имали, а имали бы на питухѣхъ прямыя попойныя деньги, и чарки бы питухамъ давали-бъ цѣловальники полны, и съ винокурни въ ведра и въ ковши тайно на себя не продавали“ и т. д.

Послѣ такой присяги кабацкіе головы приступали къ исправленію своей должности. Въ отправленіи ихъ долж-

---

[1]) Теперь сидѣльцы казенныхъ винныхъ лавокъ, хотя и не получаютъ милостивыхъ грамотъ, но за свое радѣніе къ прибыли, переводятся на высшій окладъ жалованья.

ности встрѣчалось много неудобствъ. Незнаніе ариѳметики было большимъ затрудненіемъ для этихъ чиновниковъ, къ тому же еще присоединялось неудобство кратковременной ихъ службы. Назначались они большею частью на одинъ годъ. Должность кабацкихъ головъ была уничтожена въ 1699 г. Петромъ Великимъ, который замѣнилъ ихъ бурмистрами, безъ особаго, впрочемъ, измѣненія ихъ обязанностей.

Должности цѣловальниковъ были также избирательныя, и отъ лицъ, избираемыхъ на эти мѣста, требовались тѣ же качества, но, вѣроятно, въ меньшемъ размѣрѣ.

Частныя лица не имѣли права заводить кружечные дворы и питейные дома, но, несмотря на это, нарушенія этого запрещенія случались: такъ, въ смутное время междуцарствія, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, нѣкоторые бояре, пользуясь благопріятными для наживы обстоятельствами, открывали кабаки для торговли хлѣбнымъ виномъ, но такіе кабаки существовали недолго.

Для собственнаго употребленія могли курить вино, варить медъ, пиво—первые дворяне, дѣти боярскіе, приказные люди, гости, гостинная и суконная сотня, ратные и служилые люди, стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники и т. д. Это дозволеніе было ограничено Петромъ Великимъ въ 1697 году однимъ вареніемъ пива и меда. Кромѣ вышеисчисленныхъ сословій дозволялось, до Петра Великаго, приготовлять вино, пиво и медъ для собственнаго употребленія въ особенныхъ случаяхъ, какъ-то: поминкѣ свадьбѣ, крестинахъ, родинахъ, а также въ нѣкоторые праздники, но о такомъ дозволеніи подавалась челобитная. Большое злоупотребленіе права винокуренія для домашняго обихода побудило правительство въ 1728 г. дозволить его только помѣщикамъ и подрядчикамъ. За дозволеніе къ единовременной выкуркѣ питей брали, позднѣе, опредѣленную пошлину, которая называласй „явкою“ или „докладнымъ питьемъ“. Эта явочная пошлина бралась до царствованія Екатерины II; отмѣнена она въ 1775 г.

Кабакъ при Петрѣ I и его преемникахъ.

Въ петровскую эпоху пьянство усилилось еще больше. Въ исторіи Россіи С. М. Соловьевъ т. III. стр. 1100 приведены слова патріаха: „Теперь и благородные и простые, даже юноши хвастаются пьянствомъ, говоря безстыдно другъ другу: „тогда то и тогда я былъ пьянъ, а церковныя торжества въ праздники проспалъ“.

Мы знаемъ также, что Петръ I даже опоэтизировалъ пьянство, устраивая шутовскіе праздники и учредилъ такъ называемую „всепьянѣйшую коллегію“.

Члены учрежденнаго Петромъ ради шутки „всешутѣйшаго и всепьяшннѣйшаго собора“ примѣрно служили Бахусу, и веселые праздники, сопровождавшіеся поистинѣ, гомерическимъ „піанствомъ“, бывали въ Петербургѣ при Петрѣ очень часто.

„Птенцы гнѣзда Петрова“, отъ постояннаго и долгаго „бахусоподражанія“, были достаточно закалены уже и привычны къ капризамъ Петра, но пріѣзжіе иностранцы прямо боялись царскихъ пирушекъ, а особенно знаменитаго кубка „Великаго орла“, преклонявшаго къ трону Бахуса даже очень стойкихъ „піаницъ“.

Въ декабрѣ 1709 года въ Петербургъ явился посолъ короля датскаго—морской командиръ Юстъ Юль, и сразу попалъ на „бахусоподражаніе“.

За двѣ версты до Петербурга несчастный датчанинъ провалился на Невѣ въ полынью со своимъ возкомъ и еле-еле избѣжалъ смерти. Обмерзшій отъ зимняго купанья, онъ пріѣхалъ въ домъ адмирала Крюйса, гдѣ ему была отведена квартира, наскоро переодѣлся и поѣхалъ представиться его царскому величеству, который съ „изрядною компаніей“ обѣдалъ у генералъ-адмирала Апраксина, по случаю дня рожденія „Саши Герценсъ-кинда“ (Меньшикова).

Войдя въ застольную, Юстъ Юль былъ пораженъ страшнымъ крикомъ и шумомъ царскихъ шутовъ, увеселявшихъ

общество. „Шуты орали и отпускали много грубыхъ шутокъ, каковымъ въ другихъ странахъ не пришлось-бы быть свидѣтелемъ не только въ присутствіи самодержавнаго государя, но даже на самыхъ простонародныхъ собраніяхъ",—пишетъ изумленный посолъ.

Царь сидѣлъ за однимъ столомъ со всѣми и ѣлъ, какъ и всѣ, деревянной ложкой. При здравицахъ гремѣли пушечные салюты, сопровождавшіе и тостъ Петра за здоровье датскаго короля Фредерика IV. Къ досадѣ Юля, шуты помѣшали ему своимъ крикомъ сосчитать число выстрѣловъ

Послѣ обѣда, Юль, очень безпокоившійся о судьбѣ своихъ бумагъ, провалившихся вмѣстѣ съ нимъ подъ ледъ и намокшихъ, долго упрашивалъ Петра отпустить его домой.

— Но тамъ, ваше величество, моя вѣрительная грамота и многіе другіе важнѣйшіе документы...

— На что мнѣ грамота?—возражалъ царь.—О твоемъ назначеніи отъ самого королевскаго величества цыдулы имѣю... Не надо мнѣ грамоты твоей...

Въ концѣ-концовъ, посолъ убѣжалъ таки къ себѣ домой и принялся за разборку смерзшихся бумагъ. Но бѣда не приходитъ одна: едва Юль, разложивъ для просушки спасенные отъ потопленія документы, вышелъ, чтобы возвратиться на пиръ, какъ загорѣлась фейерверочная лабораторія противъ его квартиры и пришлось снова спасать бумаги—отъ огня...

По возвращеніи Юля, „пьянство" продолжалось до 4-хъ часовъ ночи, причемъ пирующіе побывали въ одиннадцати мѣстахъ.

И снова пришлось подивиться сѣверянину на наши нравы: „всюду, гдѣ мы проходили или проѣзжали",—пишетъ онъ,—на льду рѣки и по улицамъ лежали пьяные; вывалившись изъ саней, они отсыпались въ снѣгу, и вся окрестность напоминала поле сраженія, сплошь усѣянное тѣлами убитыхъ".

Усердное служеніе Бахусу почти не прекращалось, и

несчастный посолъ сталъ всячески уклоняться отъ попоекъ, но и ему не пришлось избѣжать знакомства съ „орломъ“.

Когда Петръ Великій находился на борту корабля, его всѣ должны были называть „господиномъ шаутбенахтомъ“, а за обмолвку полагался „Великій орелъ“. Эта бѣда случилась и съ Юлемъ, но когда „царскій ключникъ“, какъ онъ выражается, поднесъ ему „орла“, посолъ пустился въ бѣгство и взобрался на карабельныя снасти. Объ ослушникѣ донесли царю—и онъ, съ кубкомъ „орла“ въ зубахъ, взобрался къ Юлю, усѣлся съ нимъ рядомъ, и заставилъ его осушить не одного, а цѣлыхъ пять „орловъ“.

Какъ разсказываетъ Юль, послѣ „орловъ“, „съ великою опасностью“ спустился по снастямъ на палубу.

Объ этой „опасности“ можно судить по тому, что, въ большинствѣ случаевъ, отвѣдавшій „орла“ валился на землю безъ чувствъ.

Такой случай былъ въ 1721 году съ Меньшиковымъ. На торжествѣ спуска на воду 60-ти-пушечнаго корабля „Пантелеймона“,—какъ разсказываетъ Морденфельдъ,—царь былъ очень веселъ, и не приказалъ ничего подавать, кромѣ венгерскаго, Меньшиковъ схитрилъ и пилъ легкій рейнвейнъ. Петръ замѣтилъ эту продѣлку и, собственноручно выбросивъ въ окно всѣ бутылки съ рейнвейномъ, приказалъ осушить „орла“. Александръ Данилычъ безъ чувствъ грохнулся на полъ и жена съ сестрою, „оплакивали его положеніе“.

Петру, вообще, очень нравилось напаивать другихъ до потери сознанія, хотя,—по словамъ того-же Морденфельда,—„къ нему и приставали чрезмѣрно цѣлованіемъ рукъ и со всякими увѣреніями“.

Всевозможныя празднества сопровождались при Петрѣ особенно торжественнымъ „піанствомъ“.

Взятіе русскими Ревеля въ 1710 г. дало „приличный“ поводъ къ трехдневному „бахусоподражанію“. Пиры слѣдовали одинъ за другимъ и „протодьяконъ Пахомъ“, какъ именовался въ близкомъ кругу Петръ, во главѣ учреж-

денной имъ веселой „неусыпаемой обители“, ходилъ изъ дома въ домъ, поздравляя съ побѣдой.

Юстъ Юль былъ боленъ—или притворился больнымъ, чтобы избѣжать участія въ пирушкахъ,—Петръ зашелъ и къ нему. Въ разговорѣ онъ упомянулъ, что по счету его денщиковъ, онъ выпилъ сегодня 36 стакановъ вина. „По виду этого, однако, никакъ нельзя было замѣтить“,—удивленно восклицаетъ въ своихъ запискахъ датскій посолъ и добавляетъ, что генералъ-адмиралъ Апраксинъ хвастался, будто выпилъ за три дня 180 стакановъ. Извѣстный Бергольцъ въ дневникѣ своемъ описываетъ, какъ славно пили при дворѣ Петра I, какъ онъ заставлялъ пить пословъ и придворныхъ дамъ, а для того, чтобы никто не могъ уклоняться отъ этого, ставилъ къ дверямъ военный караулъ. Конечно, все это происходило отъ малаго развитія общества въ умственномъ отношеніи, нечѣмъ было заняться гостямъ, нечѣмъ было хозяину оживить ихъ кругъ.

Извѣстный сенаторъ Петра Великаго графъ Матвѣевъ, бывшій на ревизіи въ Суздалѣ, въ своемъ донесеніи сообщаетъ, что по случаю тезоименитства императрицы онъ угостилъ „всякого чина людей 70 человѣкъ до положенія ризъ“.

Несомнѣнно противъ этого историческаго свидѣтельства о томъ, что Петръ, *ради шутки*, устраивалъ „всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ“, спорить нельзя, но сложившіеся на основаніи этого въ русскомъ обществѣ убѣжденіе, будто Петръ I стремился спаивать народъ виномъ съ цѣлью увеличить государственную казну—несправедливо.

Противъ этой неправды говорятъ намъ письменные памятники—эти живые свидѣтели былой старины. Необходимо знакомить народъ съ этими памятниками, чтобы очищать въ его сознаніи невѣрныя и ложныя представленія объ историческихъ фактахъ.

„Винныя статьи“ по „кабацкой части“, дѣйствовавшія въ Сибири въ эпоху Петра I, свидѣтельствуютъ намъ, что этотъ „работникъ на престолѣ“ преслѣдовалъ пьянство,

жалѣя благосостояніе человѣка и его душу. Могучій образъ Великаго Петра сказался и въ этой области народнаго горя. Невольно приходитъ намъ на память чудное стихотвореніе кн. П. Вяземскаго:

Великій Петръ! Твой каждый слѣдъ,
Для сердца русскаго, есть памятникъ священный!
И здѣсь средь гордыхъ скалъ, твой образъ незабвенный
Встаетъ въ лучахъ любви и славы и побѣдъ
Намъ святы о тебѣ преданья вѣковыя
Жизнь русская тобой еще озарена
И памяти твоей, Великій Петръ, вѣрна
Твоя великая Россія.

Это стихотвореніе надъ біостомъ Петра I на Гиршеншпрунгѣ въ Карлсбадѣ напоминаетъ о геніальномъ русскомъ царѣ, неизсякаемая жажда дѣятельности котораго не покидала его нигдѣ и оставляла слѣды всюду, даже за предѣлами родной страны. Оставаясь, по словамъ поэта, вѣрнымъ памяти Великаго Петра, мы ссылаемся на письменный памятникъ, изъ котораго ясно видно, что Петръ I не благоволилъ къ пьяницамъ и усвоилъ имъ спеціальное названіе „питухъ". Въ регламентѣ онъ дѣлитъ ихъ на три категоріи: 1, „питухъ" изъ простого народа, 2, „питухъ" изъ служивыхъ людей—чиновныхъ и 3, „питухъ" изъ людей гулящихъ. Всѣхъ этихъ „питуховъ" онъ строго преслѣдовалъ.

Первыхъ питухъ, если „озадоривались, напивались пьянствомъ безобразнымъ, пропивали или проигрывали зернью имѣющіяся при нихъ деньги, платье, товары, такихъ унимали". А если иной питуха не поддавался, таковаго „обирали всего", укладывали въ особый чуланъ, чтобы проспался, а когда просыпался, тогда, по винѣ смотря, наказывали его словами, а то и батожьемъ; все же обобранное отдавали ему назадъ въ цѣлости, взявъ съ него по правдѣ, сколько онъ пропилъ, а лишняго „отнюдь" не „брали". При этомъ „кабацкимъ" головамъ и „цѣловальникамъ" строго наказывалось смотрѣть, чтобы „никто чрезъ силу не пилъ,

и отъ безмѣрнаго питья до смерти не опился, и душу свою на вѣки не загубилъ". Заботливый императоръ велѣлъ „унимать отъ пьянства не только Православныхъ Христіанъ Русскихъ людей, но и иноземцевъ всякихъ родовъ, которые около Сибирскихъ городовъ кочевали и къ пьянству озадоривались". А если бы (Боже сохрани!) „хто опился на кабакѣ не дозоромъ головы или цѣловальника до смерти", то виновника („хто тому оказывался причиной"—голова или цѣловальникъ) били кнутомъ нещадно, да съ него же взыскивали въ пеню двадцать рублей и отдавали женѣ и дѣтямъ умершаго. А если жены и дѣтей у него не было, то деньги отдавали въ богадѣльни убогимъ или нищимъ въ раздачу, чтобъ молили Бога за душу того „злѣумершаго".—б) Если приходили на кабаки вторые питухи „люди служилые туточнаго или иного города, и начинали пропивать не по своимъ пожиткамъ многіе деньги или ружье, и платье, или какую служилую или потребную сбрую и рухлядь, чтобы попотчивать кого они съ собою привели", то кабацкіе отпускали вино „умѣренно и за деньги, а не въ большое пьянство", во избѣжаніе „дракъ, смертныхъ убойствъ, а потомъ розысковъ, пытокъ, смертныхъ казней убойцамъ и многимъ неустроеній". Этихъ „задорныхъ пьяницъ" приводили къ воеводамъ для наказанья. Воевода „перво наказывалъ ихъ словами", а потомъ „батожьемъ, смотря по человѣку, или кому что по винѣ пристойнѣе, чтобы такіе задорные пьяницы не сотворили себя вовсе негодными къ своему чину и дѣлу, къ которому отозванъ, равно не пришли бы въ конечную нищету и въ отчаяніе и не изгубили душу свою". Мысль, которою воеводы и головы уговаривали питухъ не упиваться, была такова, чтобы „пили умѣренно и честно въ веселіе и въ отраду дорожныхъ подъятыхъ ими нуждъ, а не въ пагубу своей души". г) Питухъ третьяго рода „гулящихъ людей, какъ плутовъ, имали и отсылали къ воеводамъ съ письмомъ". Подъ этимъ именемъ разумѣлись тѣ, „которые бродили по городу безодежны, работать не хотѣли, про-

пивали послѣдніе деньги, доставшіяся отъ подаянія пріѣзжихъ и туточныхъ людей, вмѣсто того, чтобы себѣ имѣть нужныя одеженки, валялись безобразно по кабакамъ, всѣмъ иноземцамъ на соблазнъ и на руганіе, пили до тѣхъ мѣстъ, пока остальную копѣйку не пропивали". Такихъ плутовъ воеводы сковывали и приставляли къ работѣ, какая случится, выдавали на прокормъ по двѣ и по три деньги, или смотря по трудамъ, чтобы „мочно (можно) было быть сыту, или ихъ отсылали въ тѣ мѣста, гдѣ каменнаго дѣла работы были, чтобы такіе пропойцы отнюдь по городу безъ дѣла не шатались и по кабакамъ не валялись", ибо „отъ такого пропойца, пропившаго свое все и лишившаго себя повседневнаго хлѣба, работать не хотящаго" нельзя ожидать добра: „онъ учнетъ вымышлять и доставать себѣ деньги не инымъ путемъ, какъ украсть бы, что у добраго человѣка, или на разбой пойдетъ, или иное зло будетъ чинить невиннымъ людямъ".

Воеводы же и головы „всякимъ радѣніемъ и чистою совѣстью" должны были вести „кабацкое дѣло". Въ противномъ случаѣ „имъ и прочимъ всѣмъ приставникамъ" грозило „крѣпкое истязаніе за злые проступки, жестокое наказаніе и конечное разореніе". „Въ цѣловальники же къ винной продажѣ" головы обязывались выбирать „людей добрыхъ, не пьяницъ, а буде возможно и грамотныхъ, чтобъ съ правдою вино продавали" и не измѣняли цѣлованію креста.

Такова была точка зрѣнія великаго царя на народную трезвость. Онъ желалъ видѣть свой народъ здоровымъ, крѣпкимъ, трезвымъ, бодрымъ и веселымъ по характеру. Онъ устанавливалъ законъ, которымъ поощрялся дѣятельный трудъ и примѣрное воздержаніе отъ вина ради благосостоянія и здоровья подданныхъ и для спасенія ихъ душъ.

Очень кстати былъ бы теперь регламентъ Петра Великаго чтобы: 1, *„никто чрезъ силу не пилъ и отъ безмѣрнаго питія до смерти не опился, и душу свою навѣки не загубилъ"*. 2, *кабацкіе*

бы отпускали вино „умѣренно и за деньги, а не въ большое пьянство", въ избѣжаніе „дракъ, смертныхъ убойствъ, а потомъ розысковъ, пытокъ, смертныхъ казней убойцамъ и многихъ неустроеній" и въ 3-хъ, тѣхъ же, кто бродитъ по городу „безодежны", работать не хотятъ, пропиваютъ послѣднія деньги, валяются безобразно по кабакамъ и пьютъ „до тѣхъ мѣстъ" пока остальную копѣйку не пропиваютъ—отсылать въ тѣ мѣста, „гдѣ каменнаго дѣла работы были", чтобы пропойцы отнюдь по городу безъ дѣла не шатались и по кабакамъ не валялись, ибо отъ такого пропойца, пропившаго свое все и лишившаго себя повседневнаго хлѣба, работать не хотящаго" нельзя ожидать добра, онъ учнетъ вымышлять и доставать себѣ деньги не инымъ путемъ, какъ украсть бы, что у добраго человѣка, или на разбой пойдетъ, или иное зло будетъ чинить невиннымъ людямъ.

Несомнѣнно, что всѣ эти регламенты, указы и законы не могли оказать магическаго вліянія на искорененіе привычки къ спиртнымъ напиткамъ. Алкоголизмъ процвѣталъ во всѣхъ слояхъ общества и, хотя и раздавались единичные голоса противъ пьянства Ломоносова, Св. Тихона Задонскаго и Св. Дмитрія Ростовскаго, написавшаго проповѣдь „Десять горькихъ гроздовъ пьянства", но всѣ эти слабыя попытки выставлять на позоръ праздничные и особенно масленичные разгулы, мало кого останавливали отъ „піянства" и голосъ этихъ ревнителей трезвости оставался пустымъ звукомъ въ морѣ невѣжества, пьянства и разгула, царившаго на Руси.

Не лучше обстояло дѣло и при преемникахъ Петра. Пьянство въ ту пору, какъ у людей высшихъ чиновъ, такъ и у низшихъ, было дѣломъ обычнымъ. Такъ, во время коронаціонныхъ празднествъ императрицы Анны Іоанновны былъ у московскаго главнокамандующаго Салтыкова торжественный обѣдъ, на которомъ, какъ видно изъ письма Салтыкова къ Бирону, „обрѣтавшіеся господа министры и генералитетъ, и статскіе чины и дамы всѣ были шумны, такъ-что иныхъ насилу на рукахъ снесли, а иныхъ развезли по домамъ. Однакожъ, — добавляетъ Салтыковъ, — по милости Божіей, все кончилось благополучно".

Кабакъ при откупахъ.

До царствованія Екатерины II не было никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ количествѣ продаваемыхъ въ Россіи питей и получаемаго отъ нихъ казною дохода. Извѣстно только, что въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны выдѣлывалось на всѣхъ казенныхъ и частныхъ винокуренныхъ заводахъ имперіи около полутора милліона ведеръ, а чистый доходъ отъ этого количества вина простирался свыше милліона рублей.

Заготовленіе вина для государевыхъ кабаковъ производилось на казенныхъ винокурняхъ и отчасти было поставляемо частными заводчиками по подряду. Казеннымъ винокуреніемъ завѣдывали кабацкіе головы, которымъ вмѣнялось въ обязанность покупать нужные для винокуренія запасы и снаряды своевременно „порою какъ въ которое время бываетъ всякимъ торговымъ людямъ съѣздъ и запасы всякіе бываютъ дешевы“. Со временъ Петра Великаго казенное винокуреніе было заведено въ 1698 г. въ Сибири, а во внутреннихъ губерніяхъ было распространяемо насчетъ частнаго. Въ 1705 г. въ Московскомъ уѣздѣ частное винокуреніе было вовсе уничтожено. При Петрѣ Великомъ винокуреніе производилось преимущественно въ мѣстахъ хлѣбородныхъ и въ которыхъ былъ неудобенъ сбытъ хлѣба заграницу. Также въ случаѣ мѣстнаго неурожая и необходимости въ снабженіи хлѣбомъ войска винокуреніе было запрещаемо всюду, гдѣ жители или правительство нуждались въ хлѣбныхъ запасахъ. Такъ, въ 1735 г., по случаю голода во многихъ мѣстахъ Россіи, вино было указано привозить изъ Балтійскихъ провинцій.

Существуетъ преданіе, что до Бориса Годунова русскіе не такъ пили вино, хотя Владиміръ и сказалъ: „Руси веселіе пити: не можетъ безъ того быти!“ Простой народъ въ старину пилъ рѣдко: ему дозволяли сварить пива, браги и меду и погулять только въ праздники, но когда вино

стали продавать въ царевыхъ кабакахъ, то и пьяницъ явилось больше. Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ вошелъ въ кабакъ пьяница и пропилъ кафтанъ, вышелъ въ рубашкѣ и, встрѣтивъ пріятеля, воротился снова, пропилъ бѣлье и вышелъ изъ царева кабака совершенно голый, но веселый, не кручиный, распѣвая пѣсни и отпуская крѣпкое словцо нѣмцамъ, которые вздумали было сдѣлать ему замѣчаніе. Подобные случаи были часты: въ Москвѣ на масляницѣ въ земскій приказъ каждое утро привозили десятки замерзшихъ пьяницъ. Извѣстный откупщикъ прошедшаго столѣтія Логиновъ устроилъ однажды въ Москвѣ народный праздникъ, на которомъ излишкомъ оставшейся у него водки перепоилъ народъ до пьяна, такъ что нѣсколько человѣкъ замерзло, причемъ полиція, какъ тогда увѣряли, подобрала до 400 тѣлъ. Въ екатерининское время откупщики пользовались неограниченнымъ правомъ, питейный доходъ отъ великороссійскихъ и сибирскихъ губерній простирался до 16,899,917 руб. въ годъ. Въ Россіи прежде въ деревняхъ пробавлялись пивомъ и брагой, въ тѣ годы была одна водка, отъ нея явилось страшное пьянство, и въ мірѣ народныхъ повѣрій возникъ и сложился богъ водки Ярило, почти неизвѣстный до половины XVIII столѣтія. Въ понедѣльникъ Петрова поста и въ послѣдній день празднованія Ярилѣ, въ Воронежѣ на площади стояли бочки съ виномъ, валялись пьяныя; въ это время является на площади епископъ воронежскій, святитель Тихонъ, начинаетъ кротко поучать любимый имъ народъ, народъ его слушаетъ, потомъ разбиваетъ бочки съ виномъ, и съ тѣхъ поръ праздникъ Ярилы навсегда прекращается въ Воронежѣ. Но святителю Тихону подвигъ этотъ даромъ не прошелъ. Откупщики донесли, что онъ смущаетъ народъ, учитъ его не пить водки и тѣмъ подрываетъ казенный интересъ, а вслѣдствіе этого доноса, въ половинѣ 1767 года, Тихонъ долженъ былъ отправиться на покой... Народъ, благодарный за доброе слово, проводилъ своего епископа со слезами. Очень некрасивую картину, въ описываемые годы, пред-

ставляли кружечные дворы, или питейные избы: по срединѣ стоялъ большой чанъ съ водкой, надъ которымъ висѣли одежды, шапки посѣтителей кабака; иногда эти шапки сваливались въ чаны, туда же иногда попадали и грязные рубашки пропойцевъ, взятыя подъ залогъ и пропитыя. Съ 1779 года велѣно было называть питейными домами всѣ кружечные дворы, на дверяхъ кабаковъ были гербы и по праздникамъ вывѣшивался красный флагъ, у нѣкоторыхъ ставилась елка. Позднѣе камеръ-колегія запретила эти вывѣски и велѣла надъ кабаками дѣлать надписи: „Въ семъ домѣ питейная продажа". Всѣ кабаки встарину не имѣли входа съ улицы, а всегда помѣщались во дворѣ дома.

Способъ питейнаго сбора изстари у насъ былъ двоякій. Правительство получало этотъ сборъ или посредствомъ своего собственнаго, такъ называемаго, казеннаго управленія, или посредствомъ отдачи его на откупъ: въ первомъ случаѣ оно поручало свои кабаки головамъ, избраннымъ общинами или непосредственно назначеннымъ отъ правительства. Въ послѣднемъ за условленную плату предоставляло винную торговлю желающимъ и эти желающіе или откупщики были уже сами, такъ сказать, кабацкіе головы. О казенномъ управленіи въ московскомъ государствѣ встрѣчаются положительныя свѣдѣнія съ XVII столѣтія. Оно существовало на ряду съ откупнымъ содержаніемъ этихъ сборовъ. Въ 1651 году были уничтожены откупа, но такъ какъ эта мѣра была причиною упадка государственныхъ доходовъ, а между тѣмъ война съ Польшею требовала чрезвычайныхъ издержекъ, то потому въ 1663 году откупное содержаніе, какъ болѣе выгодное для казны вслѣдствіе соперничества откупщиковъ, было возстановлено. Новое уничтоженіе откуповъ послѣдовало не ранѣе 1681 г., съ того времени казенное управленіе продолжалось до временъ Елисаветы. Когда въ 1755 году казенное управленіе снова замѣнено отдачею питейныхъ сборовъ на откупъ, то эти ожиданія не оправдались, какъ явствуетъ изъ указа Екатерины 1764 г. Финансовая комисія,

учрежденная въ этомъ году, раскрывъ безпорядки злоупотребленія, лишившія казну важныхъ выгодъ, какія долженствовали быть отъ виннаго сбора, признала, однакожъ, способъ отдачи этихъ сборовъ въ откупное содержаніе, существовавшее съ того времени, выгоднѣйшимъ для казны.

При Екатеринѣ II въ 1767 г. окончательно утверждается откупная система. Она съ первыхъ же годовъ своего существованія проявила тенденцію къ сильнымъ злоупотребленіямъ, и безпощадному спаиванію и развращенія народа, несмотря на то, что доходъ питейный постепенно падалъ. Вотъ почему въ 1819 году министромъ финансовъ гр. Гурьевымъ былъ введенъ уставъ казенаго производства и продажа питей. Спиртъ выкуривался на казенныхъ заводахъ и продавался въ казенныхъ оптовыхъ складахъ; розничная же продажа была предоставлена въ опредѣленномъ числѣ заведеній частнымъ лицамъ. Питейный доходъ сразу почти удвоился и пьянство уменьшилось. Благодаря проискамъ всесильнымъ откупщикамъ, особенно Кокорева, которымъ реформа гр. Гурьева нанесла значительный ущербъ, уже при министрѣ финансовъ гр. Канкринѣ, откупная система съ 1-го сентября 1827 г. снова была возобновлена и продержалась до 1-го января 1863 г.

Питейные сборы исключительно отдавались съ торговъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, производимыхъ единовременно въ каждые четыре года, и обыкновенно въ каждомъ изъ этихъ періодовъ откупная сумма была возвышаема противъ предыдущаго четырехлѣтія.

По идеѣ откупная система, опредѣлявшая цѣну, мѣсто и количество питей, не содержала въ себѣ ничего вреднаго. Но по выполненію она принесла государству много вреда. Въ формулѣ, почти математической, въ которой все было предопредѣлено и, гдѣ предполагалось откупною системою регулировать народныя слабости, пороки и увлеченія, были забыты два элемента: алчность и хищничество тѣхъ, кому эта система будетъ выгодна. Откупщики, обѣщавшіе казнѣ

доходы, на дѣлѣ не доставляли ихъ, требуя отъ казны льготъ и платя ей за это многомилліонными неустойками.

Откупщики сдѣлали все, чтобы опоить русскій народъ. По словамъ Китарры (публичный курсъ пивоваренія) въ одномъ только 1856 году русскій народъ пропилъ 151.289.909 р. изъ коихъ въ казну поступило 82.193,358 р. а откупщики получили остальное, имѣя чистой прибыли около 43 мил. рублей. За три послѣдніе года дѣйствія откуповъ, доходъ самихъ откупщиковъ въ однихъ только великорусскихъ губерніяхъ оказался на 45 мил. рублей болѣе того, что получила отъ нихъ казна. Вообще доходъ ихъ, выбираемый изъ скуднаго достатка народа, достигалъ до 73 процентовъ того, что они вносили государству.

Всѣ хорошія предположенія были только на бумагѣ, на дѣлѣ же практиковались одни злоупотребленія: разбавка вина водою, введеніе одурманивающихъ веществъ, развращеніе народа, насилія въ преслѣдованіи корчемства и т. п. Откупщикъ былъ сила, постоянно, какъ-то призналъ въ свое время Государственный Совѣтъ, производившая давленіе на мѣстную администрацію. Правда, были и рѣдкія исключенія, въ родѣ французскаго откупщика Лавуазье, но они только подтверждаютъ общее правило. Главное орудіе откупщика были деньги и его защищала броня не изъ одного только стекла винной посуды, но и изъ металла его капиталовъ.

А. Ѳ. Кони очертилъ въ рѣзкихъ чертахъ образъ откупщика, униженно льстиваго и хлѣбосольнаго предъ высшими, надменнаго съ низшими, одинаково презирающаго и тѣхъ и другихъ *).

Царство откупщиковъ поработило всю Россію такою данью, о какой не знали въ эпоху татарскаго ига. Пьянство и развратъ царилъ всюду. Настоящій демонъ алкоголя властвовалъ надъ народомъ и мѣстной администраціей, которая была на откупу у откупщиковъ. Борьба для

А. Ѳ. Кони «О винномъ откупѣ», см. журналъ »Трезвость и Бережливость». № 4, 1902 г.

простыхъ смертныхъ съ этимъ демономъ оканчивалась для нихъ всегда пораженіемъ. Въ этой области царилъ полный произволъ, откупщикъ былъ на мѣстѣ все и все приклонялось передъ его золотомъ, накопленнымъ изъ трудовой народной копѣйки, цѣны на водку, качество ея,—все зависѣло отъ усмотрѣнія откупщиковъ и его арміи кабатчиковъ; трудно передать, что творилось въ глухой провинціи. Кабатчикъ, агентъ откупщиковъ, поддерживаемый мѣстною властью. спаивалъ народъ дорогой и недоброкачественной водкой. Народъ волновался, протестовалъ, но всѣ его справедливыя жалобы кончались побѣдою кабатчика. По всей Руси стонъ стоялъ отъ этой неправды. Этотъ стонъ, ужасъ пьянства, разврата и обнищанія, нисколько не смущалъ представителей власти и слабые протесты на селенія не встрѣчали въ нихъ поддержки.

Заботы мѣстной власти сосредоточились на томъ, чтобы откупщикъ былъ доволенъ, и, чтобы стонъ народа не доходилъ до центральной власти, а отдѣльные возмутительные факты не проникали бы въ печать. Въ этомъ направленіи дѣлалось все на что способны были фантазія откупщиковъ и изобрѣтательность представителей мѣстной бюрократіи.

Въ 1858 г., благодаря дороговизнѣ водки и ея недоброкачественности, народъ началъ волноваться, и начались, особенно въ Сѣверо-Западномъ краѣ, открываться общества трезвости и братства, чему сильно способствовало и духовенство. Испугавшіеся откупщики тотчасъ же начали хлопотать въ Петербургѣ о прекращеніи дѣятельности этихъ трезвыхъ обществъ. Въ результатѣ получилось, что братства трезвости, открытыя безъ разрѣшенія правительства, были закрыты, а брошюра „О братствѣ и трезвости“ конфискована. Министръ финансовъ просилъ Св. Синодъ воспретить духовенству проповѣдь трезвости, но Синодъ указомъ отъ 10 августа 1859 г. не только отказалъ въ просьбѣ, но и благословилъ духовенство на борьбу съ народнымъ пьянствомъ. Мы особенно подчеркиваемъ этотъ знаменательный истори-

ческій фактъ, свидѣтельствующій о разумномъ и высоконравственномъ отношеніи Св. Синода въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ пьянствомъ, имѣвшее мѣсто 50 лѣтъ тому назадъ. Интересно знать, какъ нынѣ отнесся бы Св. Синодъ къ подобному ходатайству министра финансовъ! Откупщики, несмотря на такой афронтъ, не унывали и перемѣнивъ тактику своихъ выступленій, добились, что губернаторъ, на основаніи особыхъ циркуляровъ, долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, не дѣлается ли со стороны священниковъ что либо насильственное и противозаконное въ дѣлѣ отрезвленіе народа, т. е. не требуютъ ли они клятвенныхъ обѣщаній послѣ торжественно отслуженныхъ молебновъ, приговоровъ сельскихъ обществъ и т. п. Министръ финансовъ сообщилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода:

„что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простого народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало патентные сборы въ откупное содержаніе“, а затѣмъ министръ сдѣлалъ распоряженіе, *чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли нигдѣ не допускать.* Это яркій образчикъ, свидѣтельствующій объ истинныхъ намѣреній правительства ослабить народное пьянство и тѣмъ поднять его экономическое благосостояніе. Этотъ натискъ власти возымѣлъ дѣйствіе, и начавшееся было антиалкогольное движеніе стало затихать. Необезпеченному матерьально и приниженному православному духовенству трудно было бороться противъ всемогущей бюрократіи.

Въ царствованіе Николая I, продажа спиртныхъ напитковъ воспрещена была только инородцамъ Сибири и нѣмецкимъ колонистамъ, но никакихъ ограниченій для русскаго народа не послѣдовало, которому, такимъ образомъ, не возбранялось пить горькую чашу до положенія ризъ. Россія была залита водкой, и весь хлѣбъ, который не съѣдался—пропи-

вался. Мужикъ выкладывалъ на стойку откупщика крестъ съ шеи, шапку съ головы, рубаху съ плечъ и опорки съ ногъ, а откупщикъ и всѣ содѣйствовавшіе ему потирали руки отъ такой девальваціи, умножали свои милліоны изъ грошей, накопленныхъ кровью и потомъ многострадальнаго русскаго народа.

Помѣщики крѣпостной эпохи являлись всегда сторонниками трезвости, разъ вопросъ касался ихъ рабовъ. Они отлично сознавали, что трезвый рабъ работоспособнѣе пьянаго, а потому всѣми мѣрами охраняли своихъ крѣпостныхъ отъ спаиванія, доказывали имъ весь вредъ пьянства,- но сами въ тоже время безмѣрно предавались ему. Лукулловскіе пиршества, съ изліяніями до безумія господъ помѣщиковъ, являлись лучшимъ протестомъ ихъ проповѣди о трезвости и рабы ихъ, подсмѣиваясь надъ ихъ трезвыми проповѣдями, рабски подражали имъ въ пропойномъ вопросѣ, находя, что учителю и врачу наобходимо прежде всего самому изцѣлиться, а затѣмъ лечить другихъ.

Въ послѣднее четырехлѣтіе существованія откупной системы было сдѣлано измѣненіе противъ бывшей системы акцизно-откупного комиссіонерства: прежде можно было торговаться разомъ на цѣлую губернію, тогда же было положено отдавать отдѣльно каждый городъ съ принадлежащимъ къ нему уѣздомъ, кромѣ губерній и областей Сибири. Подобное измѣненіе дало небольшимъ капиталистамъ возможность вступить въ состязаніе съ капиталами громадными, разбило тѣмъ нѣкоторую кору монополизма и способствовало возвышенію цифры казеннаго дохода. Такой результатъ обнаружился на первыхъ же торгахъ и переторжкахъ. 16 іюня 1858 г. открылись торги на губерніи Владимірскую и Ярославскую, 17-го числа состоялась окончательная на нихъ переторжка. Владимірская губернія давала 515,000 р. ежегоднаго откупа, тогда цѣна эта поднялась до 1,416.000 руб. Особенно замѣчательныя наддачи сдѣланы на города, чрезъ которые должна была пойти желѣзная дорога, именно на Владиміръ, Ковровъ, Вязники и Горохо-

вецъ. На русскій Манчестеръ, Шую, наддано 140,000 руб. Ярославская губернія давала прежде 596,000 руб. откупа; теперь эта цифра дошла до 1,355,000 р. Большія надбавки были сдѣланы на города Ярославль, Ростовъ и Рыбинскъ. Сильная борьба происходила за Восточную Сибирь; въ Западной и Восточной Сибири торговались не на количество откупной платы, а на количество ведеръ вина, которое обязуются ежегодно выбирать у казны, съ платою ей за 554,000 ведеръ, въ томъ году въ ней обязались выбирать по 1,040,000 ведеръ. Западная Сибирь взята была Мамонтовымъ, который вмѣсто двухъ милліоновъ ведеръ сталъ выбирать почти три милліона! Губерніи Нижегородская и Казанская, составлявшія совокупный откупъ, розданы по уѣздамъ, съ огромнымъ повышеніемъ цѣнъ. Нижегородская, вмѣсто прежнихъ 523,000, пошла въ 1,250,000 Казанская съ 102,000 поднялась до 760.000. Но въ особенности наддано было на города, которые лежали на пути желѣзныхъ дорогъ. Вообще наддано было на годъ 39,000,000 руб. сер.

Въ тѣ годы удивляла всѣхъ громадность суммъ, которыя наддавались откупщиками на города. Вотъ разговоръ, подслушанный во время торговъ въ Сенатѣ.—„Ваша губернія пошла вчетверо выше“...—„Ну, да. Да вѣдь тамъ желѣзная дорога пойдетъ, рабочаго народа будетъ много, деньги большія въ народѣ будутъ“...—„Да и ваша пошла никакъ впятеро... Такъ-съ; только я сильно надѣюсь на муципацію (эмансипацію)“. Счастливчикъ и выговаривать слова не умѣлъ, а возлагалъ на него всѣ свои упованія! Впрочемъ, у откупщиковъ были свои слова, какъ, напримѣръ: отливъ, недоливъ, обмѣръ, разсыропка (это словечко обозначало приведеніе спирта въ вино умѣренной крѣпости домашними средствами); были и другія пріятныя слова для откупщиковд, какъ: „очищенное, специальная, полугаръ“ и т. д.

Откупа у насъ существовали 140 лѣтъ; всѣхъ питейныхъ домовъ въ послѣдніе годы существованія откупа во всей Россіи было 87,388. По приблизительному исчисленію

Бабста, ежегодный доходъ откупщиковъ простирался до 600 милліоновъ, по Ильину отъ 500 до 600, а по Закревскому до 781,250,000 руб. ежегодно. Сюда не входятъ громадныя суммы, не отданныя казнѣ и украденныя откупщиками. Такъ, недочетъ на откупщикѣ Логиновѣ простирался до 2 милл. руб. Гарфункель, бывши откупщикомъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, задолжалъ казнѣ 1,125,000 р. сер., бѣжалъ заграницу и сдѣлался французскимъ гражданиномъ.

Взявъ откупъ, откупщикъ, прежде всего, старался задобрить чиновниковъ. Въ старинныхъ свѣдѣніяхъ по питейному дѣлу, изданныхъ министерствомъ финансовъ, находятся реестры экстраординарныхъ расходовъ откупщика, изъ которыхъ мы видимъ, что самые львиные доли получали предсѣдатели казенныхъ палатъ и вице-губернаторы. Имѣть дѣло съ откупомъ было всегда выгодно, и въ губерніяхъ всѣ разсчеты по этимъ дѣламъ лежали на вице-губернаторахъ. По этому поводу разсказывали анекдотъ, что когда у зданія Сената однажды былъ большой съѣздъ экипажей, то на вопросъ императора Александра I, что это значитъ? одинъ изъ его приближенныхъ, А. Л. Нарышкинъ, отвѣтилъ, что это съѣхались губернаторы проситься на должность вице-губернаторовъ.

Дороговизна и дурное качество водки [1]), вызвало въ концѣ пятидесятыхъ годовъ общее движеніе въ пользу трезвости въ разныхъ концахъ Россіи; явились письменные приговоры сельскихъ обществъ, дающіе зарокъ не пить водки. Сначала началось движеніе въ пользу трезвости въ Ковенской губерніи и оттуда разошлось по Виленской; вскорѣ потомъ одновременно обнаружилось движеніе въ пользу трезвости въ Поволжьѣ и въ центральныхъ замосковныхъ губерніяхъ. Вслѣдъ за извѣстіемъ о трезвости въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, получены были

[1]) Извѣстно по фактамъ, что откупщики на 17 милл. ведеръ добавляли 5 милл. ведеръ воды, народъ за эту воду платилъ 40 милл. руб., полагая ведро по 8 руб.

свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ губерніяхъ: Тульской, Владимірской, Московской, Орловской и Калужской. Съ другой стороны, трезвость, принявшаяся въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., распространилась вновь по Волгѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ Самарской, Рязанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и Тверской губерніи. Нѣсколько позже получены извѣстія объ образованіи обществъ трезвости въ четвертомъ краю Россіи въ губерніяхъ: Харьковской, Курской, Воронежской. Первый примѣръ трезвости показали три западныхъ губерніи. Это сильно напугало откупщиковъ и въ Виленской губ. ставили сначала 8 грошей за кварту вина, вмѣсто прежнихъ 14; потомъ вино подешевѣло въ шесть разъ, наконецъ, передъ корчмами выставляли иногда даже даровое вино. Ничто не помогало, провинившихся крестьянъ противъ зарока наказывали даже. Такъ, одинъ государственный крестьянинъ, несмотря на произнесенный имъ обѣтъ, напился пьянъ; узнавъ объ этомъ все село подхватило измѣнника, невольника привычки, ему приклеили къ спинѣ вывѣску: „пьяница" и сь барабаннымъ боемъ впереди, обвели два раза кругомъ села.

Всему бываетъ предѣлъ и торжеству, вакханаліи откупщиковъ насталъ конецъ и пришелъ оттуда, откуда они меньше всего ждали для себя конца. Самарскій губернаторъ К. К. Гротъ обновилъ мѣстное чиновничество свѣжими, честными силами, призванными съ университетской скамьи, увеличилъ имъ по возможности содержаніе, и запретилъ всякое кумовство съ откупщиками. Результатомъ этого были доносы на губернатора и обвиненіе его въ превышеніи власти за установленіе произвольной цѣны на порохъ, чтобы излишками возмѣстить бѣднымъ чиновникамъ прекращеніе откупной дани. Онъ сильно подорвалъ корыстную дѣятельность самарскихъ откупщиковъ, заставивъ ихъ опубликовать и вывѣсить вездѣ установленную Сенатомъ цѣну на вино. Эта огласка принесла пользу: губернаторы сосѣднихъ губерній сдѣлали то же. Стоглавой гидрѣ была объявлена

формальная война и побѣда осталась за К. К. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и сдѣланъ директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ. Здѣсь онъ, при содѣйствіи статсъ-секретаря Заблоцкаго-Десятовскаго, разработалъ и провелъ реформу акцизной системы, хотя и не безъ борьбы. Противникомъ его выступилъ министръ Княжевичъ, которому уничтоженіе откуповъ казалось неосуществимымъ. Мнѣніе это раздѣлялъ, съ другой точки зрѣнія, и тогдашній Государственный Совѣтъ, полагая, что тамъ, гдѣ все зависитъ отъ добросовѣстности надзора, трудно будетъ ожидать успѣха. Но Гротъ смѣло смотрѣлъ впередъ: онъ вѣрилъ въ силу Россіи, умѣлъ находить людей и сплачивать ихъ воедино для служенія одному общему началу. Онъ вѣрилъ, что люди найдутся, если для ихъ дѣятельности будутъ созданы достойныя и соотвѣтствующія условія. Онъ началъ создавать новый персоналъ для возникавшаго акцизнаго надзора и слился съ нимъ, всю жизнь принимая затѣмъ къ сердцу его скорби и радости. По поводу этого между нимъ и Княжевичемъ возникли личныя непріятности, и въ результатѣ Княжевичъ, благородно признавъ предъ Государемъ, что Гротъ полезнѣе и нужнѣе его, оставилъ свой постъ. Въ 1863 г. господство откупа кончилось и въ продажѣ явилась акцизная „дешевка". Успѣхъ получился блестящій, такъ какъ сборъ сразу превысилъ прежній доходъ на 10, а затѣмъ на 20 милліоновъ.

Кабакъ при акцизной системѣ.

Съ введеніемъ въ 1863 году акцизной системы установленъ былъ ничтожный акцизъ на спиртъ, вслѣдствіе чего водка подешевѣла и благодаря этой „дешевкѣ" массовое пьянство сильно возрасло. Но вскорѣ акцизъ на спиртъ началъ постепенно повышаться. При существованіи откуповъ помѣщики, какъ выше мы и указали, заинтересованы

были, чтобы ихъ рабы были трезвы, и потому они являлись сторонниками отрезвленія народа.

Введеніе акцизной системы совпало съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и тутъ сказалась обратная тенденція помѣщичьяго элемента, которые всячески стремились извлечь выгоды отъ кабака и шинка, совершенно упуская изъ виду трезвыя задачи, которыя выставлялись ими въ эпоху откуповъ и крѣпостного права. При надѣленіи крестьянъ землей, помѣщики стремились въ каждой деревнѣ, среди крестьянской усадебной осѣдлости, оставлять за собой небольшіе участки земли и на этой землѣ устраивали питейныя заведенія, которыя и сдавали шинкарямъ. Образовалась цѣлая армія шинкарей, кабатчиковъ, которые, пользуясь покровительствомъ помѣщиковъ и мѣстныхъ полицейскихъ агентовъ, занимаютъ центральное положеніе въ каждомъ селеніи, деревнѣ и поселкѣ и, благодаря такому независимому своему положенію, шинкари дѣлаютъ свое преступное дѣло—спаиваютъ народъ и окончательно развращаютъ его. Вмѣсто крѣпостной кабалы явилась болѣе страшная кабацкая кабала, которая не дала только-что освобожденному рабу опомниться. Въ результатѣ, свободный рабъ былъ забитъ умственно, бѣднѣлъ и унижался во славу шинкаря и его покровителей. Тяжелая страда настала для русскаго крестьянина и некому было придти ему на помощь, никто не заботился о просвѣтительныхъ задачахъ и не стремился освободить народъ изъ когтей шинкарей — этихъ народныхъ вампировъ. Напротивъ, все дѣлалось, чтобы затопить, залить всю страну водкою и на разстояніи телеграфныхъ столбовъ, поставить шинки и кабаки — дома разврата и позора.

Всѣ силы сплотились вокругъ шинка и всѣ интересы мѣстныхъ владѣльцевъ, помѣстной власти и правительства связаны были съ процвѣтаніемъ шинка. Шинокъ поглощалъ всѣ народныя сбереженія, разорялъ населеніе, а правительство собирало пропойные народные гроши нисколько

не заботясь о нравственномъ и экономическомъ благополучіи страны- При всемъ своемъ желаніи, народъ не могъ освободиться отъ власти демона—шинкаря, за которымъ стояли помѣщикъ, мѣстная власть и акцизный агентъ. Бывали случаи, когда крестьяне, подъ вліяніемъ убѣжденій священника, поднимали голосъ противъ шинкаря, противъ его сплошь и рядомъ безпатентной торговли, но эти попытки очень дорого обходились крестьянамъ. Помѣщикъ, въ защиту своихъ интересовъ, сейчасъ же такимъ крестьянамъ отказывалъ въ продажѣ дровъ, въ пастбищѣ для скота, въ прогонѣ и т. д. Испытавъ разнаго рода гоненія и притѣсненія, крестьяне вынуждены были прекратить свои споры съ шинкарями и мириться со своимъ тяжелымъ и безвыходнымъ положеніемъ.

Мы видимъ, что правительство нѣсколько разъ измѣняло систему питейной торговли: то производило ее отъ своего имени, то отдавало ее на откупъ, то соединяло то и другое одновременно, надѣясь этими перемѣнами достигнуть какъ финансовыхъ, такъ и нравственныхъ цѣлей. Но ни одна изъ этихъ мѣръ не оправдывала надеждъ правительства и пьянство процвѣтало по прежнему.

Такія перемѣны безслѣдно продолжались до нашего времени, когда послѣ упраздненнаго питейнаго дома появились на смѣну ему трактирныя заведенія, винныя и ведерныя лавки, въ силу закона 14 мая 1885 года.

Изъ законовъ о питейной торговлѣ, примѣнявшихся въ теченіи описаннаго выше періода времени, видно, что главными распространителями пьянства въ народѣ всегда были кабацкіе головы, цѣловальники и вообще лица, производившія торговлю спиртными напитками и чѣмъ больше расширялось разливное море народнаго пьянства, тѣмъ большій доходъ получало государственное казначейство и тѣмъ успѣшнѣе созидали кабатчики свое благосостояніе на народномъ недугѣ.

Связь интересовъ правительства и содержателей питейныхъ заведеній, легшая въ основаніе построенной на ней

системы питейныхъ сборовъ, неизмѣнно продолжалась въ теченіе трехъ столѣтій до конца 19 столѣтія, когда правительство признало нужнымъ — въ интересахъ народной нравственности и подъема экономическихъ его силъ—издать законъ 14 мая 1885 года.

Законъ этотъ, заботясь о благѣ народа, возложилъ на уѣздныя по питейнымъ дѣламъ присутствія обязанность регулировать питейную торговлю и наблюдать за правильнымъ ея производствомъ; съ этой цѣлью онъ предоставилъ присутствіямъ право разрѣшать открытіе питейныхъ заведеній лишь благонадежнымъ лицамъ, отъ которыхъ можно ожидать правильнаго веденія торговли; удалять отъ торговли неблагонадежныхъ, недопускать къ ней волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія; кромѣ того, вмѣнилъ имъ въ обязанность наблюдать за содержаніемъ питейныхъ заведеній въ чистотѣ и опрятности, воспретилъ продажу спиртныхъ напитковъ малолѣтнимъ и пьянымъ, а также допущеніе въ питейныя заведенія распутныхъ женщинъ и вообще безпорядковъ. Стараясь поддержать тѣ немногія проявленія въ народѣ стремленія къ трезвости, законъ предоставилъ сельскимъ обществамъ, не содержавшимъ до изданія закона 14 мая 1885 г. питейныхъ заведеній, право составлять запретительные приговоры одинъ разъ въ трехлѣтіе, къ опредѣленному сроку и ограничилъ торговлю напитками въ теченіе дня опредѣленнымъ временемъ.

Для упорядоченія питейной торговли законъ предоставилъ уѣзднымъ по питейнымъ дѣламъ присутствіямъ еще право издавать обязательныя постановленія (ст. 46) закрывать такія заведенія, содержатели которыхъ вызовутъ незаконными дѣйствіями общее неудовольствіе населенія (ст. 47), недопускать (въ немногихъ случаяхъ) открытія излишняго числа питейныхъ заведеній (ст. 54—66) и контролировать правоспособность лицъ, желающихъ заняться раздробительной продажей спиртныхъ напитковъ (ст. 33). Этими мѣрами исчерпываются всѣ средства, установлен-

ныя закономъ для обузданія пьянства, уменьшенія соблазна, а также для развитія народной нравственности и благосостоянія.

Всѣ прочія статьи этого закона устанавливаютъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ полученію наибольшаго дохода казною отъ потребителей спиртныхъ напитковъ.

Здѣсь кстати будетъ указать, какъ легко было на практикѣ воспользоваться вышеприведенными статьями закона 14 мая 1885 г. для того, чтобы закрыть кабакъ по этому закону. Ниже мы приводимъ, какъ намъ лично легко было достигнуть осуществленія этого права на дѣлѣ.

Въ іюлѣ 1889 г. крестьяне дер. Ново-Сиверской, Царскосельскаго уѣзда, обратились къ намъ съ просьбою, какъ къ мѣстному дачевладѣльцу, помочь имъ въ ходатайствѣ ихъ о закрытіи питейныхъ заведеній. По словамъ крестьянъ, они давно сознали вредъ и все зло, наносимое ихъ имущественному и нравственному благосостоянію питейными заведеніями, существующими въ ихъ деревнѣ; но, несмотря на единогласное желаніе всѣхъ домохозяевъ деревни, они въ теченіе пяти лѣтъ никакъ не могутъ добиться закрытія кабаковъ и, такимъ образомъ, осуществить свое право, принадлежащее имъ по закону, которымъ сельскому обществу предоставляется воспрещать торговлю крѣпкими напитками въ чертѣ ихъ усадебной осѣдлости [1]).

Живописная, гористая и здоровая мѣстность дер. Ново-Сиверской, окруженная большими лѣсами, давно уже стала привлекать сюда на лѣто дачниковъ. Отъ этого благосостояніе крестьянъ-дачевладѣльцевъ естественно росло. Но въ послѣдніе годы цѣны на дачи начали падать, такъ какъ количество дачниковъ значительно уменьшилось и измѣнилось по своему составу,—вмѣсто достаточныхъ классовъ съемщиками дачъ явились бѣдные люди. Причина тому—открытіе двухъ питейныхъ заведеній и портерной лавки

---

[1]) «Какъ закрыть кабакъ по закону». Нашъ докладъ С.-Петербургскому обществу трезвости въ февралѣ 1901 года.

въ русскомъ концѣ деревни. Не говоря уже о растлѣвающемъ вліяніи кабаковъ на мѣстныхъ крестьянъ, на ихъ образъ жизни и особенно на подростающее молодое поколѣніе, ущербъ отъ нихъ матеріальный сказался во всей силѣ. Единственное подспорье—дачи, при малодоходности земли, стали давать меньше доходу. Отсюда пошли недоимки, задолженность и другія бѣды и, какъ вѣнецъ всѣхъ бѣдствій,—послѣдняя копѣйка шла въ кабакъ, отчего росло благосостояніе только кабатчиковъ. Всѣ крестьяне поголовно, трезвые и пьяницы, сознавая свое безвыходное положеніе, просили помочь ихъ бѣдѣ и закрыть ненавистные для нихъ кабаки.

Трудно было не придти на помощь въ виду дѣйствительно незавиднаго положенія крестьянъ. Съ этою цѣлью былъ составленъ подробно обоснованный приговоръ отъ всѣхъ домозяевъ общества и избранъ уполномоченный изъ среды крестьянъ, Петръ Ивановъ—человѣкъ толковый и пользующійся въ обществѣ славою честнаго и неподкупнаго крестьянина.

Въ сентябрѣ 1889 года мы пригласили уполномоченнаго пріѣхать въ Петербургъ. Написали прошеніе, взяли копію приговора и отправились въ Царское Село подать эти бумаги въ Царскосельское уѣздное питейное присутствіе. На безконечные вопросы и справки—гдѣ же это питейное присутствіе, намъ вездѣ отвѣчали, что таковаго въ Царскомъ Селѣ нѣтъ и что оно помѣщается, кажется, въ Петербургѣ, гдѣ-то на Забалканскомъ проспектѣ. Отправляемся на Забалканскій проспектъ—ищемъ присутствія, но его по спискамъ не оказывается. Идемъ въ участокъ, но получаемъ отвѣтъ, что такого присутствія нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ это Петербургъ, а не Царское Село. По счастью переходимъ черезъ дорогу отъ полицейскаго участка и находимъ небольшую доску у дверей съ надписью: „Акцизный надзиратель такого-то округа“. Наведя предварительныя справки, по коимъ оказалось, что надзиратель въ тоже время есть и непремѣнный членъ Царско-

сельскаго питейнаго присутствія и что въ лицѣ его сосредоточивается все присутствіе, мы спѣшимъ представиться г. надзирателю, радуясь, что наконецъ нашли искомую величину. Со страхомъ подаемъ приговоръ и прошеніе, но каково было наше огорченіе, когда намъ отвѣтили, что мы опоздали съ своимъ ходатайствомъ и что его надо было заявить до 1-го октября 1888 г., но что черезъ два года не позже 1-го октября 1891 г. мы можемъ вновь возбудить это ходатайство. И такъ, первый блинъ комомъ. Перспектива двухлѣтняго ожиданія далеко не улыбалась. Надо было искать выхода и обратиться къ источнику всѣхъ благъ—къ закону. Внимательное изученіе правилъ о раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ 14 мая 1885 г. придало намъ силъ продолжать начатое дѣло. *По закону (ст. 54 правилъ 14 мая 1885 г.) питейная продажа въ трактирныхъ заведеніяхъ, а также въ постоялыхъ дворахъ или корчмахъ, не можетъ быть воспрещаема въ селеніяхъ, имѣющихъ не менѣе 5000 наличныхъ душъ обоего пола, а, изъ селеній съ меньшимъ населеніемъ—во всѣхъ базарныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и фабричныхъ селахъ, а также при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, у пристаней и перевозовъ большихъ рѣкъ, на проѣзжихъ трактахъ и вообще въ мѣстахъ значительнаго скопленія или проѣзда постороннихъ людей. По ст. 58 тѣхъ же правилъ сельскимъ обществамъ селеній, не подходящихъ подъ условія, указанныя въ ст. 54, предоставляется ходатайствовать о неразрѣшеніи въ чертѣ усадебной осѣдлости ихъ селеній какъ раздробительной питейной продажи вообще, такъ и одной только распивочной продажи*".

Деревня Ново-Сиверская не подходитъ ни подъ одно изъ условій, указанныхъ въ ст. 54, слѣдовательно сельское общество названной деревни имѣло право ходатайствовать о неразрѣшеніи въ чертѣ усадебной осѣдлости продажи крѣпкихъ напитковъ.

„Приговоры же о неразрѣшеніи питейной продажи въ чертѣ усадебной осѣдлости селеній, на основаніи 59 ст., составляются на три года и представляются уѣздному присутствію въ установленные имъ для этого сроки".

По буквальному же смыслу ст. 7 циркуляра управляющаго министерствомъ финансовъ отъ 11-го іюля 1886 г. за № 1943 о примѣненіи правилъ 14 мая 1885 г., о раздробительной продажѣ напитковъ,

„Уѣздныя присутствія, на основаніи вышеприведенной 59 ст. правилъ 14 мая обязываются назначить сроки для подачи сельскими обществами приговоровъ о неразрѣшеніи питейной продажи въ чертѣ усадебной осѣдлости. Приговоры, представленные по истеченіи сего срока, не должны быть принимаемы къ разсмотрѣнію. На слѣдующее трехлѣтіе означенные сроки должны быть вновь назначены уѣздными присутствіями не позже 1-го октября послѣдняго въ трехлѣтіе года, о чемъ должно быть объявлено сельскимъ обществамъ“.

Вотъ въ этихъ-то срокахъ и кроется ахилесова пята и вся трудность дѣла закрытія кабаковъ. Можно съ достовѣрностью сказать, не боясь погрѣшить противъ правды, что ни одно сельское общество на Руси никогда не слыхало объ этихъ срокахъ и что объ этихъ срокахъ никто не объявлялъ ни одному изъ сельскихъ обществъ по той простой причинѣ, что объявленіе объ этихъ срокахъ, далеко не въ интересахъ кабатчиковъ и всѣхъ колупаевыхъ и разуваевыхъ. Само собою разумѣется, что и крестьяне дер. Ново-Сиверской не знали о существованіи этихъ сроковъ и никто никогда имъ не объявлялъ о таковыхъ. Это дало намъ мысль вновь возбудить ходатайство крестьянъ и въ особенности въ виду 47 ст. правилъ 14 мая, которая гласитъ: *„Уѣзднымъ присутствіямъ предоставляется по надлежащемъ изслѣдованіи, представлять губернскому питейному присутствію о закрытіи заведеній для раздробительной питейной торговли, содержатели коихъ злоупотребленіями, хотя бы и судомъ недоказанными, вызовутъ общее неудовольствіе мѣстныхъ жителей. Такія заведенія закрываются по распоряженію губернскаго присутствія“.*

Когда мы съ уполномоченнымъ явились вторично къ акцизному надзирателю, то на вопросъ нашъ: нельзя ли вновь возбудить ходатайство крестьянъ на основаніи 47 ст.

Правилъ 14 мая и въ виду того, что Ново-Сиверскому обществу не было объявлено о срокахъ подачи приговоровъ, намъ отвѣтили: „попробуйте, но едвали ходатайство будетъ удовлетворено, пусть общество составитъ новый приговоръ и сошлется въ немъ на 47 ст.“. Это было сказано намъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда большинство крестьянъ выѣхали изъ деревни въ Петербургъ на заработки. Собрать ихъ всѣхъ въ деревню и составить новый приговоръ было дѣло не легкое, но и это препятствіе было преодолѣно. Приговоръ былъ составленъ и поданъ акцизному надзирателю въ концѣ октября 1889 г.

8-е декабря 1889 г. акцизный надзиратель объявилъ намъ слѣдующее постановленіе Царскосельскаго уѣздн. питейнаго присутствія: „во 1-хъ, предписать мѣстному становому приставу произвести дознаніе о томъ, дѣйствительно ли торговля крѣпкими напитками въ дер. Ново-Сиверской вызываетъ общее неудовольствіе среди мѣстныхъ жителей, и во 2-хъ предписать помощн. акцизн. надзирателя не выдавать по дер. Ново-Сиверской на 1890 годъ патентовъ впредь до разрѣшенія ходатайства крестьянъ о закрытіи заведеній“.

Это была уже побѣда, но къ сожалѣнію мы рано стали ликовать. 4 января 1890 г. намъ случилось быть въ дер. Ново-Сиверской и крайне были удивлены, увидавъ, что кабаки открыты, несмотря на запрещеніе выдавать имъ патенты до разрѣшенія ходатайства крестьянъ, которое не было еще разрѣшено, но и къ дознанію становой еще не приступалъ. Надо замѣтить, что крестьяне знали о распоряженіи питейнаго присутствія, а потому они никакъ не могли объяснить себѣ съ одной стороны распоряженія присутствія о невыдачѣ патентовъ, а съ другой стороны—открытіе кабаковъ и торжество кабатчиковъ. Нѣкоторые попросту полагали, что мы съ уполномоченнымъ вошли въ стачку съ кабатчиками. Возвратясь въ Петербургъ, мы немедленно отправились къ акцизному надзирателю и просили его дать намъ объясненіе по поводу необъ-

яснимой выдачи патентовъ, вопреки распоряженію присутствія. Намъ было обѣщано разузнать обо всемъ и выдачу патентовъ объяснили какимъ-то недоразумѣніемъ (sic!). Мы стали было горячиться и грозить жалобами, но насъ просили не подымать шуму, говоря, что дѣло уладится мирнымъ путемъ. Ждали мы этого разрѣшенія до февраля и опять явились къ акцизному, но прежній акцизный успѣлъ за это время выйти въ отставку, а вновь назначеннаго насъ такъ и не удалось увидать. Въ канцеляріи же надменно встрѣтили наши вопросы по интересовавшему насъ дѣлу и притомъ лично насъ спросили: „кто вы такой, если повѣренный, то гдѣ ваша довѣренность, если же нѣтъ, то никакой справки мы вамъ не дадимъ". Однимъ словомъ, вышло— благодарю не ожидалъ. Пришлось поломать голову какъ бы выйти изъ глупаго положенія. Просто не вѣрилось, что все это творится въ 19 вѣкѣ и въ мѣстѣ сосредоточенія всѣхъ властей и учрежденій. Подъ впечатлѣніемъ весьма нехорошаго чувства къ канцелярскимъ порядкамъ отправляемся къ начальнику губерніи. Графъ С. А. Толь, выслушавъ внимательно просьбу нашу о помощи крестьянамъ дер. Ново-Сиверской въ дѣлѣ ихъ о закрытіи кабаковъ, со свойственною ему предупредительностью и любезностью обѣщалъ принять мѣры къ законному направленію ходатайства крестьянъ и тутъ же далъ соотвѣтствующія распоряженія Царскосельскому уѣздному исправнику. Крайне любезный пріемъ и обѣщаніе графа, его властное и рѣшительное слово, сказанное въ защиту крестьянъ, дали намъ надежду на благопріятный исходъ ходатайства.

Черезъ недѣлю послѣ этого въ праздничный день пріѣхалъ въ дер. Ново-Сиверскую урядникъ и, заставъ кабаки открытыми въ 9 ч. утра т. е. до окончанія церковной службы, составилъ объ этомъ протоколъ, затѣмъ прибылъ въ деревню становой приставъ и произвелъ порученное ему Питейнымъ Присутствіемъ дознаніе. На дознаніи крестьяне единогласно подтвердили свое ходатайство. Наконецъ 16 марта состоялось постановленіе Питейнаго Присутствія — „хода-

тайство крестьянъ о закрытіи питейныхъ заведеній признать заслуживающимъ уваженія; непр. же членъ присутствія (акцизный надзиратель) остался при особомъ мнѣніи и полагалъ дополнить еще дознаніе“.

Такимъ образомъ губернаторское слово воздѣйствовало и дѣло подвинулось. Но затѣмъ опять начинается волокита. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца мы съ уполномоченнымъ не могли добиться справки о положеніи дѣла. Эта волокита заставила обратиться къ правителю канцеляріи губернатора съ просьбою указать, куда обратиться за справкою, который и направилъ насъ въ Губернское Акцизное Управленіе на Николаевскую улицу. Приходимъ туда и на вопросъ, у васъ-ли дѣло крестьянъ дер. Ново-Сиверской, получаемъ олимпійскій отвѣтъ—у насъ нѣтъ. Гдѣ же оно?—не знаемъ. Получивъ подобный отвѣтъ, ѣдемъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ и просимъ оказать содѣйствіе и узнать о пропавшемъ дѣлѣ. Тотчасъ же по телефону былъ спрошенъ управляющій Акцизными Сборами который отвѣтилъ, что дѣло въ Губернскомъ Акцизномъ Управленіи и готовится къ докладу Губернскому Питейному Присутствію. И такъ, дѣло не пропало и нашлось въ томъ же учрежденіи, гдѣ простой смертный не могъ его найти.

Въ этихъ проволочкахъ и оттяжкахъ прошелъ май и іюнь мѣсяцы. А кабаки процвѣтаютъ и кабатчики торжествуютъ. Въ это время открывается С.-Петербургское Общество Трезвости. По приглашенію товарища предсѣдателя этого общества сенатора Ѳ. Л. Барыкова мы вступаемъ въ члены его и немедленно обращаемся съ просьбою къ Ѳ. Л. Барыкову помочь дѣлу Сиверскихъ крестьянъ, который изъявилъ полную готовность посодѣйствовать скорѣйшему окончанію дѣла и съ этою цѣлью отправился къ начальнику губерніи напомнить ему о злополучномъ дѣлѣ.

Наступилъ іюль мѣсяцъ и крестьяне уже забыли о своемъ ходатайствѣ. Всякій разъ, когда начинался разговоръ о кабакахъ, то крестьяне со смѣхомъ встрѣчали наши увѣренія о томъ, что современемъ кабаки будутъ закрыты.

Грустно было сознаніе, что корень зла все же остается и кабаки процвѣтаютъ, вопреки всѣмъ хлопотамъ. Не оставляя мысли о закрытіи питейныхъ заведеній, крестьяне составляютъ приговоръ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ по поводу чудеснаго избавленія Царской Семьи при крушеніи поѣзда 17 октября 1888 г. Въ этомъ приговорѣ крестьяне постановили: закрыть навсегда питейныя заведенія, не торговать въ этотъ день мелочными товарами въ мѣстныхъ лавкахъ, служить молебенъ, и пріобрѣсти въ часовню иконы, о каковомъ своемъ рѣшеніи крестьяне просили довести до Высочайшаго свѣдѣнія.

Въ концѣ іюля крестьянамъ была объявлена Высочайшая благодарность за ихъ намѣренія, выраженныя въ означенномъ приговорѣ. Но, не смотря на объявленную Высочайшую благодарность, питейныя заведенія продолж[illegible]и свое существованіе и крестьяне были крайне смущ[illegible] этимъ обстоятельствомъ и никакъ не могли объяс[illegible] себѣ, почему же кабаки остались не закрытыми. Недоу[illegible]ніямъ ихъ не было предѣла. Простой крестьянскій у[illegible]ъ никакъ не могъ понять, чтобы послѣ Царской благодарности, которая, по ихъ понятію, разрѣшала окончательно ихъ ходатайство, нужно было еще какое-то постановленіе губернскаго питейнаго присутствія. Пришлось убѣждать крестьянъ, что Царская благодарность объявлена имъ за ихъ пожеланія, а что закрытіе кабаковъ будетъ сдѣлано по закону, на основаніи ихъ о томъ ходатайства питейнымъ присутствіемъ. Наконецъ, давно желанный день насталъ: 22 августа 1890 года пріѣхалъ въ деревню становой приставъ и объявилъ крестьянамъ постановленіе губернскаго питейнаго присутствія о закрытіи кабаковъ. Картина торжества крестьянъ, ихъ радости, не поддается описанію и разсказу. Нужно было быть очевидцемъ того зрѣлища, которое представляла изъ себя деревня во время пріѣзда становаго пристава. Всѣ кресьтяне, жены и дѣти ихъ явились на сходъ въ праздничныхъ одеждахъ. Бабы, со слезами на глазахъ, не вѣрили своему благополучію. Когда

наступила минута снятія вывѣсокъ со стѣнъ кабаковъ, то картина въ общемъ вышла и трогательная, и смѣшная до нельзя. Наступило гробовое молчаніе всей толпы—точно выносили покойника. На всѣхъ лицахъ изобразилось недоумѣніе, страхъ и неувѣренность въ томъ, что свершалось. Уѣхалъ приставъ съ урядниками, а крестьяне до поздней ночи не расходились и все толковали о крупномъ событіи, совершившимся въ ихъ невеселой и однообразной жизни.

Такъ завершилась эпопея закрытія кабака на законномъ основаніи. Ровно 14 мѣсяцевъ длилось это дѣло и если бы не участіе и помощь въ этомъ дѣлѣ такихъ лицъ, какъ начальникъ губерніи и сенаторъ Ѳ. Л. Барыковъ, то вопросъ еще—увѣнчалось-ли бы ходатайство крестьянъ въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ.

Смѣемъ думать, что простому мужичку-уполномоченному едва-ли возможно было бы добиться намѣченной цѣли, когда при участіи интеллигентныхъ силъ ходатайство это разбивалось въ теченіе цѣлаго года канцелярскою волокитою.

Въ основу этого закона, 14 мая 1885 г., какъ разъяснилъ министръ финансовъ управляющимъ акцизными сборами въ циркулярѣ отъ 28 сентября 1875 г. № 1865, положена мысль—совершенно уничтожить прежній видъ питейнаго заведенія — питейный домъ или кабакъ, гдѣ вино предлагалось потребителямъ безъ возможности пользоваться пищей и взамѣнъ его создать питейныя заведенія другого типа, въ которыхъ, совмѣстно съ виномъ, продавалась бы и пища. Какъ разъяснено далѣе, новый законъ имѣлъ въ виду, что развитіе пьянства представляетъ наибольшую опасность въ селеніяхъ, гдѣ борьба съ этимъ зломъ очень трудна вслѣдствіе разбросанности сельскихъ поселеній и недостаточности въ нихъ надзора со стороны правительственной власти, вслѣдствіе чего и, въ интересахъ скорѣйшаго достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей предоставилъ уѣзднымъ по питейнымъ дѣламъ присутствіямъ возможность—при помощи всѣхъ перечисленныхъ

выше правъ ихъ — регулировать питейную торговлю въ сельскихъ поселеніяхъ согласно мѣстнымъ условіямъ. Въ заключеніе министръ финансовъ выразилъ надежду, что совокупность этихъ правъ дастъ уѣзднымъ по питейнымъ дѣламъ присутствіямъ возможность съ успѣхомъ выполнить предстоящую имъ задачу и что главная цѣль послѣдней состоитъ не въ искорененіи пьянства, а въ обузданіи его, въ устраненіи соблазна къ нему, въ противодѣйствіи пороку и преступленію, въ способствованіи къ нравственному развитію народа и его благосостоянію, составляющему основу благоустроенныхъ финансовъ.

Теоретическая постановка этого закона съ нравственными и экономическими потребностями сельскаго населенія явилась вполнѣ несогласованной съ дѣйствительными, практическими требованіями жизни, и надежды министра финансовъ, возлагавшіяся на уѣздныя присутствія, не оправдались.

Дѣятельность уѣздныхъ присутствій по своему составу носила характеръ только распорядительный, причемъ исполненіе ихъ распоряженій, а слѣдовательно и фактическое достиженіе всѣхъ указанныхъ въ этомъ законѣ цѣлей, лежало на обязанности и ставилось въ безусловную зависимость отъ мѣстнаго правительственнаго надзора. Кто же были представители этого надзора и, такъ сказать, главными проводниками идеи питейнаго закона въ жизнь сельскаго населенія? Знакомые читателю: десятскіе, сотскіе, сельскіе старосты, волостные старшины и урядники!

Власти первыхъ четырехъ категорій, будучи издавна задобрены содержателями питейныхъ заведеній, пользуясь повсюду даровымъ угощеніемъ и состоя нерѣдко тайными проводниками питейной торговли, являлись скорѣе попустителями всякихъ нарушеній питейнаго устава и слѣдовательно не могли быть надежными охранителями его. Урядники, какъ извѣстно, никогда не были идеальными блюстителями общественной трезвости и въ дѣлѣ наблюденія за правильнымъ производствомъ продажи спиртныхъ

напитковъ мало чѣмъ отличаются отъ перечисленныхъ выше сельскихъ властей. Слѣдующіе за ними по лѣстницѣ іерархіи становые пристава, охраняя исполненіе питейнаго устава, едва-ли снисходили до интересовъ сельскаго населенія. Остаются чины акцизнаго вѣдомства, которые, будучи заинтересованы въ исполненіи закона 14 мая 1885 г., особыми условіями службы, дѣйствительно охраняютъ его отъ нарушеній, но, къ сожалѣнію, лишь настолько, насколько это касается интересовъ акцизнаго вѣдомства и отнюдь не нравственныхъ и экономическихъ интересовъ сельскаго населенія.

Такимъ образомъ правительство, создавъ законъ о раздробительной продажѣ спиртныхъ напитковъ, не создало надлежащихъ силъ, способныхъ наблюдать за правильнымъ исполненіемъ его.

Въ законѣ 14 мая 1885 года мы не встрѣчаемъ такихъ мѣръ, которыя отвращали бы крестьянина отъ соблазна къ пьянству, а съ другой—рядомъ мѣръ, покровительствующихъ интересамъ содержателей питейныхъ заведеній, цѣли которыхъ стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ побужденіемъ населенія къ трезвости. Въ самомъ дѣлѣ,—станетъ-ли питейный торговецъ оберегать сельское населеніе отъ соблазна къ пьянству, когда простой коммерческій разсчетъ требуетъ, что бы въ его заведеніи было выпито возможно большее количество водки? Не изъ платоническихъ же соображеній онъ взялся за эту грязную торговлю и затратилъ въ нее нерѣдко большую часть своихъ матеріальныхъ средствъ. Можетъ-ли, напримѣръ, достигнуть иной цѣли, кромѣ умноженія числа питейныхъ заведеній, а съ ними и соблазна къ пьянству, ограниченіе права сельскихъ обществъ составлять запретительные приговоры на открытіе у себя питейныхъ заведеній обязательнымъ требованіемъ, чтобы такіе приговоры составлялись одинъ разъ въ три года къ опредѣленному сроку и при томъ лишь тѣми, весьма немногими, обществами, которыя до 14 мая 1885 года не имѣли у себя питейнаго заведенія?!

Установленные присутствіями сроки въ теченіе трехлѣтія безъ сомнѣнія забываются неграмотнымъ населеніемъ; пропуская же ихъ, оно окончательно лишаетъ себя возможности воспрещать питейную торговлю въ случаяхъ дѣйствительнаго стремленія его къ трезвости.

Не можетъ имѣть реальнаго значенія и та часть закона 14 мая 1885 года, въ которой предполагалось ограждать населеніе отъ злоупотребленія спиртными напитками, такъ какъ на мѣстахъ питейной торговли нѣтъ и не можетъ быть въ настоящее время власти, способной съ успѣхомъ охранять точное исполненіе ея.

Такимъ образомъ, обзоръ всѣхъ мѣропріятій, созданныхъ закономъ 14 мая 1885 года для огражденія нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ населенія, приводитъ только къ отрицательнымъ заключеніямъ. Взглянувъ на сущность прочихъ мѣръ этого закона, охраняющихъ интересы акцизнаго вѣдомства, мы получимъ иное впечатлѣніе.

Совокупность мѣръ этой категоріи прежде всего расширяетъ до крайнихъ предѣловъ число мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ: она допускаетъ продажу ихъ распивочно и навыносъ въ трактирныхъ заведеніяхъ, постоялыхъ дворахъ, корчмахъ, пивныхъ лавкахъ, на временныхъ выставкахъ, въ погребахъ для торговли русскими виноградными винами, въ станціонныхъ домахъ и буфетахъ желѣзнодорожныхъ станцій. Большаго числа мѣстъ для распивочной продажи вина, кажется, и желать невозможно!

Несмотря на то, что въ нихъ допускается выносная торговля, составители закона, очевидно, увлеклись мыслью привить въ сельскомъ населеніи умѣренное домашнее потребленіе вина и создали еще: винныя и ведерныя лавки, ренсковые погреба и погреба для выносной торговли русскими виноградными винами, причемъ обязали содержателей этихъ заведеній производить продажу питей только на вынось (ст. 1 и 2).

Совокупностью этихъ мѣръ законъ 14 мая 1885 года

прежде всего гарантировалъ для питейныхъ промышленниковъ обширнѣйшій просторъ въ выборѣ питейныхъ заведеній; озабочиваясь возможно большимъ распространеніемъ ихъ въ Имперіи, законъ создалъ для сельскаго населенія препятствія противъ стремленія его къ трезвости; съ этой цѣлью онъ, во-первыхъ, лишилъ права воспрещать у себя раздробительную продажу спиртныхъ напитковъ: общества селеній, имѣющихъ 5,000 наличныхъ душъ обоего пола, а также—торговыхъ, промышленныхъ, фабричныхъ съ меньшимъ населеніемъ;—общества селеній, лежащихъ при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, у пристаней, перевозовъ, большихъ рѣкъ, на проѣзжихъ дорогахъ и вообще въ мѣстностяхъ значительнаго скопленія или проѣзда постороннихъ людей,—если въ нихъ до 14 мая 1885 года существовали питейныя заведенія (ст. 54), другими словами—огромное большинство населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи; во вторыхъ, не лишая этого права общества поселеній, неподходящихъ подъ дѣйствіе 54 ст., законъ ограничилъ возможность пользоваться имъ, разрѣшивъ составлять запретительные приговоры одинъ разъ въ три года и отнюдь не позже установленнаго присутствіемъ срока (ст. 58); о неудобствахъ этого стѣсненія уже говорено выше; — въ третьихъ, законъ лишилъ всѣ сельскія общества права взимать особую плату за допущеніе продажи питей на ихъ землѣ (ст. 28), чѣмъ, при наличности приведенныхъ выше условій, еще болѣе расширилъ просторъ для повсемѣстной и безпрепятственной разсадки среди населенія питейныхъ заведеній; наконецъ, въ четвертыхъ, установивъ безсрочность для данныхъ уѣзднымъ присутствіемъ разрѣшеній на право содержанія питейныхъ заведеній (ст. 63), законъ при описанныхъ выше ограниченіяхъ и практической невозможности закрывать питейныя заведенія мѣрами суда и администраціи, гарантировалъ полную несмѣняемость существующимъ питейнымъ заведеніямъ и принесъ въ жертву содержателямъ ихъ всякія побужденія сельскаго населенія

къ трезвости, а также матеріальные и нравственные ихъ интересы.

Въ основу закона 14 мая 1885 года, рядомъ съ упраздненіемъ кабака, удачно положена мысль исключительная и не новая — защита интересовъ фиска, причемъ созданныя для этой цѣли мѣры, способствуя наводненію населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи разнообразными видами питейныхъ заведеній, въ то же время далеко не стоятъ въ равновѣсіи съ мѣрами нравственными. Постановка послѣднихъ теоретически блестяща и многообѣщающая, но практически безплодна за отсутствіемъ силъ, способныхъ проводить ихъ въ жизнь, тогда какъ постановка мѣръ фискальныхъ во всѣхъ отношеніяхъ удачна; къ тому же для возможно болѣе удачнаго проведенія ихъ въ жизнь народа акцизное вѣдомство нашло въ лицѣ содержателей питейныхъ заведеній цѣлую армію вѣрныхъ союзниковъ, вѣчно стремящихся къ возможно большему сбыту напитковъ потребителямъ, а вмѣстѣ съ симъ—къ увеличенію доходовъ казны и къ развитію пьянства. Изъ этой неровной борьбы за существованіе экономическихъ и нравственныхъ интересовъ сельскаго населенія съ процвѣтаніемъ интересовъ акцизнаго вѣдомства и содержателей питейныхъ заведеній видно, что всѣ мѣры закона 14 мая 1885 года, направленныя къ защитѣ первыхъ, представляютъ изъ себя мертвую букву.

Что же должны были внести въ жизнь своею дѣятельностью уѣздныя присутствія? Въ губерніяхъ, гдѣ большинство членовъ уѣздныхъ присутствій—люди, выборные отъ земства, лица эти несомнѣнно должны были внести съ собою въ направленіе дѣлъ соображенія, отвѣчающія частнымъ интересамъ питейныхъ торговцевъ, нерѣдко пользующихся, благодаря закону 14 мая 1885 года, большою силою и вліяніемъ въ мѣстныхъ выборныхъ учрежденіяхъ; въ губерніяхъ неземскихъ такое явленіе также возможно, но въ силу причинъ совершенно иного свойства. Вообще же уѣздныя присутствія, убѣдившись въ своемъ безсиліи согласовать общія правила 14 мая 1885 года съ

мѣстными условіями настолько, насколько это необходимо для достиженія нравственныхъ и экономическихъ цѣлей народа, не могли не быть вынужденными: однѣ—благоразумно сдать кормило правленія акцизному чиновнику для того, чтобы послѣдній, строго оберегая лишь интересы фиска, ревниво укладывалъ плоды своей дѣятельности въ рамки формализма; другія, стремясь къ достиженію одновременно всѣхъ цѣлей, вытекающихъ изъ теоріи питейнаго закона,—уподобить свою дѣятельность трудамъ лебедя, рака и щуки и нагромождать недвигающійся возъ излишнимъ дѣлопроизводствомъ; всѣ же присутствія вмѣстѣ взятыя, дѣятельностью своею неизбѣжно должны были внести такое разнообразіе взглядовъ и направленій въ питейные распорядки вообще, что всѣ надежды министра финансовъ на согласованіе общаго закона съ мѣстными условіями должны разсѣяться какъ дымъ.

Чего же, какъ не развитіе пьянства возможно ожидать при такой постановкѣ питейнаго вопроса, при такомъ изобиліи разсадниковъ пьянства, при такихъ препятствіяхъ для сельскаго населенія въ естественномъ стремленіи его къ трезвости и при столь явномъ безсиліи уѣздныхъ по питейнымъ дѣламъ присутствій? [1]).

До милліарда рублей, полученныхъ отъ народа посредствомъ кабаковъ, какъ насосами изъ колодцевъ, акцизная система истощила источникъ народныхъ доходовъ. Но это одна, такъ сказать, прямая, открытая, ясно видимая эксплоатація, Другая такая же, косвенная, видимая, какъ результатъ первой, выходящая изъ того же кабака, и не менѣе, если не болѣе, разорительная.

150 тысячъ кабаковъ въ разныхъ видахъ противъ 30 тысячъ школъ! Слишкомъ неравная борьба добра противъ зла. 150 тысячъ клубовъ въ разныхъ видахъ, въ большинствѣ отвратительныхъ, гдѣ каждодневно развращаются и привыкаютъ къ пьянству сотни тысячъ простолюдиновъ,

---

[1]) Дѣятельность нынѣ существующихъ попечительствъ о народной трезвости во всемъ до мелочей, напоминаетъ намъ такую же безцѣльную дѣятельность уѣздныхъ питейныхъ присутствій во время дѣйствія акцизной системы.

въ ущербъ семейной жизни — въ этомъ состоитъ вся главная сила зла, отъ этой въ большинствѣ случаевъ бѣды и напасти. Нужно всмотрѣться въ деревенскую жизнь, и всякій, понимающій нашу деревню, согласится съ нами, а потому принимаемые палліативы по части питейнаго дѣла не болѣе, какъ ребяческія затѣи, которыми можно только тѣшить себя.

Частная инициатива по борьбѣ съ пьянствомъ выражалась въ очень слабыхъ размѣрахъ. Св. Синодъ указомъ отъ 5 іюня 1889 г. призывалъ духовенство „путемъ живого и ближайшаго воздѣйствія на населеніе способствовать къ отвлеченію низшихъ классовъ городского и сельскаго населенія отъ питейныхъ заведеній и отъ употребленія вина“. Указъ этотъ повліялъ на оживленіе дѣятельности духовенства въ борьбѣ съ пьянствомъ, такъ какъ часть духовенства откликнулась на этотъ призывъ и начало организовывать церковно-приходскія общества трезвости, которыхъ къ 1900 году насчитывалось до 900.

Въ февралѣ 1900 г., пишущему эти строки, при содѣйствіи протоіерея В. Я. Михайловскаго, сенатора Ѳ. И. Барыкова, Л. Е. Оболенскаго, докторовъ: Н. И. Григорьева, Д. П. Никольскаго и А. Л. Мендельсона удалось организовать въ Петербургѣ Общество трезвости, которое въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, благодаря своей кипучей и обоснованной дѣятельности, привлекло къ себѣ сочувствіе и вниманіе не только петербургскаго общества, но и многихъ дѣятелей культурныхъ уголковъ Россіи.

Петербургское общество трезвости дало толчекъ къ общему движенію противъ пьянства. При участіи и содѣйствіи петербургскаго общества организовалось до 150 свѣтскихъ обществъ трезвости въ различныхъ мѣстахъ нашей родины. Къ сожалѣнію, стремленія этихъ обществъ насадить трезвость разбивались бронею питейнаго закона, который не давалъ возможности практически осуществить задачи этихъ обществъ. Къ тому же въ уставы этихъ обществъ предписывалось вводить такіе начала, которыя въ

корнѣ подрывали основную дѣятельность общества. Такъ, членами этихъ обществъ не могли быть несовершеннолѣтніе, воспитанники учебныхъ заведеній, нижніе воинскіе чины и юнкера, между тѣмъ, какъ борьба съ ужаснымъ бичемъ должна была прежде всего сосредоточиться среди молодежи. Постоянныя разочарованія при всѣхъ попыткахъ провести въ жизнь тѣ или другія мѣры борьбы съ пьянствомъ, столкновенія съ представителями питейнаго вѣдомства, которые далеки были отъ передовыхъ задачъ этихъ обществъ, сдѣлали свое дѣло и энергія обществъ и отдѣльныхъ борцовъ постепенно стала ослабѣвать, такъ что къ началу введенія винной монополіи дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ свелась на нѣтъ. Хотя эти общества и не могли, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, принести практическую пользу населенію въ борьбѣ съ пьянствомъ, но справедливость требуетъ отмѣтить, что дѣятельность ихъ не пропала безслѣдно. Они подняли вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ на должную высоту государственнаго значенія его.

Литература этого вопроса начавшаяся съ момента дѣятельности этихъ обществъ обратила на себя вниманіе представителей вѣдомства, заинтересованнаго фискальными задачами въ пьяномъ вопросѣ. Къ этому вопросу стали прислушиваться и всѣ издѣвательства, насмѣшки надъ людьми, посвятившими себя этому дѣлу, смѣнились желаніемъ ближе ознакомиться съ вопросомъ во всей его полнотѣ. Работа обществъ трезвости, практическіе и литературные труды отдѣльныхъ борцовъ за трезвость, вызвали интересъ къ этому народному дѣлу и противоалкогольное движеніе. Благодаря той же дѣятельности проснулось и наше общество охраненія народнаго здравія, которое образовало въ своей средѣ спеціальную алкогольную комиссію, десятитомные труды которой составляютъ драгоцѣнный даръ и вкладъ въ общую сокровищницу знаній по вопросу о вліяніи алкоголя на организмъ человѣка

и о борьбѣ съ пьянствомъ, разработанные лучшими представителями науки и практики.

Въ частности нельзя не отмѣтить дѣятельность С.-Петербургскаго общества трезвости въ 1891 и 1892 гг., когда въ столицѣ свирѣпствовала холера. Дѣятели общества съумѣли вызвать сочувствіе населенія къ ужасному бѣдствію, которое добровольно и съ полнымъ довѣріемъ предоставило этимъ дѣятелямъ относительно большія матеріальныя средства, на которыя и было открыто 17 безплатныхъ чайныхъ, 8 столовыхъ и построено 3 временныхъ барака-чайныхъ въ мѣстахъ наибольшаго скопленія рабочаго населенія.

Кто помнитъ дѣятельность этихъ чайныхъ общества, тотъ не откажется засвидѣтельствовать какую посильную помощь они оказали бѣдному населенію Петербурга въ тяжкое холерное время.

Какъ мы уже указали законъ 14 мая 1885 г. изданъ былъ въ цѣляхъ уменьшенія пьянства, но это только было на бумагѣ, а дѣйствительность была иная. Цензура и послѣ закона 1885 г. ставила всевозможныя препятствія для пропаганды борьбы съ пьянствомъ.

Борьба съ пьянствомъ при посредствѣ школы не встрѣчала сочувствія со стороны министерства народнаго просвѣщенія, о чемъ свидѣтельствовалъ въ Государственной Думѣ членъ Думы Клюжевъ, который раньше былъ инспекторомъ народныхъ училищъ. По сообщенію г. Клюжева, одинъ изъ попечителей округа предписалъ, чтобы учителя не задавали ученическихъ темъ, касавшихся вреда пьянства. Возбужденное нами ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, къ которому присоединились С.-Петербургское Общество Трезвости и специальная комиссія изъ врачей и педагоговъ, о введеніи въ школахъ преподованія уроковъ трезвости, по образцу западно-европейскихъ школъ, оставлено было безъ всякаго вниманія и отвѣта.

По закону 14 іюня 1885 г. крестьянскимъ обществамъ

разрѣшено было воспрещать у себя открытіе кабаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещалось, какъ это практиковалось раньше получать деньги отъ шинкарей за выдачу разрѣшительныхъ приговоровъ на открытіе питейныхъ заведеній. Съ 1892 года эти кабацкіе деньги снова разрѣшено было получать сельскимъ обществамъ съ содержателей кабаковъ, но деньги эти должны были находиться подъ контролемъ мировыхъ посредниковъ и крестьянскихъ учрежденій. Суммы эти спеціально предназначались на поддержку школъ, пожарныхъ обозовъ, церквей и т. д.

Возможность полученія денегъ за право открытія кабаковъ не остановило проявившейся тенденціи среди крестьянскаго населенія къ составленію запретительныхъ приговоровъ. Напротивъ, количество такихъ приговоровъ стало значительно возрастать. Такихъ приговоровъ послѣ голоднаго 1891 года достигло 39881 по всей Европейской Россіи. Душевое потребленіе спирта также начало уменьшаться: такъ, въ 1883 году на душу приходилось 3,8 ведра, а въ 1893 г.—2,3 ведра. Въ общемъ же пьянство не уменьшилось, такъ какъ косвенные налоги съ питей давали все больше и больше доходу.

Въ фабричныхъ районахъ и городахъ, по изслѣдованію Распопова, пьянство значительно увеличилось. Одинъ Богородскій уѣздъ тратилъ на хлѣбъ 1 милл. 685 тыс. 784 р., на крѣпкіе напитки 1.250.702 р., а государственныхъ повинностей уплачивалъ 352 тысячи руб.

Число заведеній съ раздробительной продажей питей на всю Россію въ 1889 г. было 150089. Въ 1885 г. выкурено было 78 милл. 551 т. ведеръ водки.

Обыкновенно принято считать, что введеніе акцизной системы, въ особенности въ началѣ и при тогдашнемъ ея примѣненіи, составляло громадный прогрессъ и съ нравственной и съ финансовой точекъ зрѣнія, но это далеко не такъ.

Уничтоженіе откупа, т. е. status in statu, корпораціи, располагавшей, какъ извѣстно, властью и обаяніемъ, болѣе

дѣйствительными, какихъ-нибудь правительственныхъ органовъ, представлялось, конечно, необходимостью съ государственной точки зрѣнія, да, наконецъ, сохраненіе откупной системы представлялось бы аномаліей при остальныхъ реформахъ шестидесятыхъ годовъ.

Мысль отдѣлаться отъ откупа и при выполненіи такой гуманной и нравственной задачи ничего не терять, а, пожалуй, еще реализировать громадные барыши для казны, показалась до того ослѣпительной, что всякія другія соображенія или сомнѣнія считались незаслуживающими никакого уваженія или даже вниманія.

При введеніи акцизной системы, цѣны на вино, во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ и въ городахъ губерній привиллегированныхъ, въ которыхъ властвовалъ откупъ, чрезвычайно упали, приблизительно вдвое и втрое противъ прежняго, такъ что водка (въ то время и получившая прозвище дешевки) внезапно сдѣлалась доступною крестьянамъ, въ неслыханныхъ прежде размѣрахъ.

Замѣняя откупъ акцизною системою, необходимо было принять мѣры, чтобы водка никоимъ образомъ не сдѣлалась дешевле прежняго, вдругъ и въ такихъ рѣшающихъ размѣрахъ.

Нравственный и физическій вредъ и даже язва, привитая народу удешевленіемъ водки, въ десять, во сто разъ превышаютъ выгоду уничтоженія откупа, какъ государства въ государствѣ.

Обращаясь къ чисто финансовой сторонѣ введенія акциза, мы видимъ только своего рода оптическій обманъ. У насъ какъ-то установилась популярная легенда, что щедротами акцизной системы государственный бюджетъ чрезвычайно обогатился и почти только благодаря этой системѣ и въ состояніи былъ вынести тяжесть многихъ, сильно увеличившихся, государственныхъ расходовъ.

Но если мы обратимся къ „Ежегоднику Министерства Финансовъ“ за 1881 г., то бросается въ глаза, что откупъ, напр., въ 55 году давалъ только 76,8 милліоновъ рублей

и что хотя откупныя цифры въ 62 году дошли до 126 милліоновъ, но все-таки акцизъ въ 79 году давалъ чисто питейнаго дохода уже 199 милліоновъ; такъ что, сравнительно даже съ лучшими временами откупа, въ послѣдніе годы при акцизѣ оказывается до 76 милліоновъ лишнихъ.

Это, на первый взглядъ, видимый аргументъ въ пользу акцизной системы вообще, а при сравненіи съ откупомъ въ особенности.

Присмотритесь, однакожъ, немного поближе въ эти цифры и вы увидите, что считать ихъ убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу акциза нельзя, а что, напротивъ, приходится ихъ считать отрицательными.

Во-первыхъ, мы видимъ, что откупъ съ 55 года платилъ суммы, быстро возрастающія: 76, 88 и, наконецъ, 126 милліоновъ. Это объяснимо и приростомъ населенія и постепеннымъ прижиманіемъ откупщиковъ, чтобы они платили больше и довольствовались меньшими барышами.

По возвышавшимся цифрамъ откупа, платившаго черезъ 8 лѣтъ 50 милліонами въ годъ больше прежняго, не трудно предполагать, что возвышая постепенно платежныя цифры и откупъ въ 1879 году далъ бы 199 милліоновъ и даже больше.

Не говоря уже о громадныхъ состояніяхъ частныхъ лицъ, составленныхъ при откупѣ, необходимо имѣть въ виду, что онъ, доставляя казнѣ 126 милліоновъ, расходовъ никакихъ по сбору этой суммы не требовалъ отъ казны. Между тѣмъ, при акцизѣ, изъ цифры валового дохода для казны надобно отсчитывать большія суммы на администрацію и проч.

И такъ, мы видимъ, что если-бъ даже предполагать равные шансы при сравненіи откупа съ акцизною системою, то финансовое преимущество нисколько не оказывается въ пользу послѣдней. *Но дѣло въ томъ, что для выручки своихъ доходовъ откупъ далеко не располагалъ территоріей и народонаселеніемъ, которыми располагала акцизная система.*

Откупщики, платившіе 126 милліоновъ, вовсе не распо-

лагали ни Царствомъ Польскимъ, ни остзейскими губерніями, а въ 16 губерніяхъ (губ.: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Волынская, Кіевская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Черниговская, Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская) откупъ хозяйничалъ весьма ограниченно, владѣя только городами съ двухверстною отъ нихъ чертою, такъ, что въ нихъ приблизительно только одна треть населенія принимала „участіе въ платежахъ налоговъ на спиртъ.

Если опредѣлить населеніе всѣхъ этихъ частей Имперіи во времена откупа весьма умѣренными цифрами:

Царство Польское	$4^1/_2$	милл. жителей
Остзейскія губерніи	$1^1/_2$	„ „
16 привиллегиров. губерній .	18	„ „
Итого . . .	24	милл. жителей

и если считать, что изъ 18 милліоновъ жителей 16-ти губерній только 6 милліоновъ участвовали въ платежахъ, то 18 милліоновъ жителей по Имперіи не представлялись податнымъ матеріаломъ для откупа, платившаго безъ нихъ 126 милліоновъ рублей. Эти 18 милліоновъ жителей въ далеко не бѣдныхъ губерніяхъ представляютъ собою 28% всего числа обитателей тогдашней Россіи (65 милліоновъ), располагая ими, откупъ въ 1863 году платилъ бы (по его пропорціямъ въ платежахъ) не 126 милліоновъ, а уже 161 милліонъ, т. е. сумму, не выручаемую акцизною системою со спирта и вина еще до 1873 года.

Съ 1867 года по введенію системы и въ Царствѣ Польпольскомъ доходъ немного поправляется, но и то не достигаетъ первой цифры въ 122 милліона рублей. Только въ 1870-71 году мы замѣчаемъ скачки съ послѣдующими остановками; въ 74 году опять скачекъ впередъ и потомъ опять остановка. Наконецъ, въ 1879 году достигается высшая изъ всѣхъ цифръ 198 милліоновъ рублей. Въ 1880 году доходъ упалъ противъ 79 года и въ этомъ

году чувствуется дальнѣйшее паденіе, не взирая на хорошій урожай.

По уничтоженіи откупа и введеніи акцизной системы, въ казну поступило питейныхъ доходовъ 123 милліона рублей; но въ то время налогъ былъ всего 4 копѣйки на градусъ безводнаго алкоголя, въ послѣднее же время онъ былъ повышенъ до 7 коп., а съ 1-го Іюля 1881 года до 8 коп., за градусъ.

По этимъ пропорціямъ (4 : 7 = 123 : X) мы должны были въ 1879 году (въ 1880 и того меньше) получить не 199 милліоновъ рублей, но уже 215,2 милл. [1]).

Затѣмъ, какъ извѣстно, акцизъ все повышался и дошелъ до 10 коп. Если принять во вниманіе, что народонаселеніе въ Россіи увеличивается ежегодно на милліонъ слишкомъ, а приростъ этотъ съ 1879 г. по 1895, въ годъ веденія винной монополіи, явился значительный, то при 10 коп. за градусъ въ 1894 году доходъ 1879 года въ 215,2 милл. руб., въ 1894 году явился бы значительно грандіознѣе.

Казна стремилась поднять свой доходъ путемъ все большаго увеличенія акциза. Но населеніе было слишкомъ бѣдно, хозяйство его и заработки слишкомъ плохи, и вотъ, послѣ каждаго подъема акциза начиналась реакція, потребленіе спирта падало, доходъ казны понижался. Сдѣлали послѣдній опытъ и подняли акцизъ до 10 коп. и убѣдились, что больше идти нельзя. Тутъ то и зародилась мысль замѣнить акцизную систему снова казенной продажей вина.

Въ числѣ тяжкихъ грѣховъ акцизной системы было упраздненіе сельско-хозяйственнаго винокуренія. Для акцизнаго надзора гораздо удобнѣе, чтобы производство вина сосредоточивалось въ возможно болѣе крупныхъ заводахъ, дѣйствующихъ на чисто капиталистическихъ основаніяхъ, потому что на такихъ крупныхъ заводахъ задача акцизнаго надзора упрощается до послѣдней степени съ

[1]) Баронъ Э. Ф. Нольде «Питейное дѣло и акцизная система» стр. 26.

помощью введенія сложныхъ и дорого стоющихъ механическихъ аппаратовъ, при дѣйствіи которыхъ точный учетъ изготовляемаго винокурнями продукта вполнѣ обезпеченъ даже при отсутствіи особой ретивости у акцизныхъ чиновниковъ. По этой причинѣ, съ введеніемъ акцизной системы, путемъ разнаго рода льготъ и привилегій для крупныхъ винокуренъ, при одновременныхъ стѣсненіяхъ для сельско-хозяйственнаго ванокуренія, послѣднее довольно скоро подвергалось радикальному искорененію,—къ огромному ущербу для нашего сельскаго хозяйства, которое потеряло одну изъ наиболѣе доступныхъ ему и болѣе выгодныхъ отраслей механической переработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Скотоводство находило въ отбросахъ винокуреннаго производства важную поддержку. Почва получала хорошее удобреніе отъ сытаго многочисленнаго скота. Земледѣльческое населеніе имѣло на глухіе въ деревнѣ осенніе и зимніе мѣсяцы заработокъ на винокуренныхъ заводахъ. Землевладѣльцы, не имѣвшіе собственныхъ заводовъ имѣли по сосѣдству сбытъ для своего хлѣба. Все это было принесено въ жертву удобствамъ акцизнаго надзора.

Вся акцизная система и спеціальный законъ 14 мая 1885 года создали очень тяжелое положеніе для всего крестьянскаго населенія. Оно лишено было возможности бороться противъ пьянства. Все населеніе явилось жертвой акцизной системы съ одной стороны и содержателей питейныхъ заведеній съ другой. Число послѣднихъ возрастало до крайнихъ предѣловъ, и вмѣстѣ съ нимъ все болѣе и болѣе разрушались устои нравственности, экономическаго благосостоянія и здоровья населенія.

Монопольный кабакъ.

Съ 1-го января 1895 г. введено было въ дѣйствіе Высочайше утвержденное 6-го Іюня 1894 г., положеніе о казенной продажѣ питей, *въ видѣ опыта, на три года*, только

въ четырехъ губерніяхъ: Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской.

Представитель нашего финансоваго вѣдомства С. Ю. Витте, нынѣ графъ, осуществилъ эту реформу съ замѣчательною быстротою на всемъ обширномъ пространствѣ нашей родины.

„Реформа должна преслѣдовать, прежде всего, народное отрезвленіе, а затѣмъ уже интересы фиска“.

Таковы знаменательныя слова циркуляра С. Ю. отъ 22 декабря 1894 года.

Личный интересъ кабатчиковъ предполагалось устранить питейною реформою и дѣйствующимъ лицомъ по операціямъ продажи вина должно было явиться правительство, поставившее себѣ главною заботою улучшеніе народнаго быта, огражденіе народной нравственности и народнаго здравія, отодвинувъ вопросъ о питейномъ доходѣ на второй планъ. Устраненіе отъ виноторговли элемента своекорыстія и соблазна, которыми была прежде обставлена раздробительная питейная торговля—одна изъ основъ новой питейной реформы.

Вотъ въ краткихъ словахъ широкая, просвѣтительная программа реформы русскаго министра финансовъ конца 19 столѣтія.

Отрезвить народъ, урегулировать торговлю виномъ, сдѣлать ее честной, дать народу образованіе, привлечь общественныя силы для борьбы съ пьянствомъ и затѣмъ уже заботиться объ интересахъ фиска—все это не могло не обрадовать русское общество и тѣхъ, кому дѣло борьбы съ народнымъ недугомъ было особенно близко. Такія задачи, оповѣщенныя циркулярно, вызвали общія симпатіи къ реформѣ и радость ожиданія новой эры для многострадальнаго русскаго народа.

Но вотъ прошелъ первый опытъ въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ. Водка, продававшаяся правительственными агентами, вселила, въ народное сознаніе, что этотъ напитокъ безвреденъ, такъ какъ не могло же правительство пропа-

гандировать и продавать что либо вредное для здоровья народа. Напротивъ, Витте усиленно во всѣхъ циркулярахъ и отчетахъ заявлялъ, что казенная водка является здоровымъ и чистымъ виномъ и по качеству своему удовлетворяетъ самымъ строгимъ санитарнымъ требованіямъ и что въ ней нѣтъ сивушныхъ маслъ. Министръ финансовъ забылъ при этомъ привести отзывы о химическихъ изслѣдованіяхъ казенной водки, мнѣнія врачей клиницистовъ и формакалоговъ на сколько эта водка отвѣчаетъ строгимъ санитарнымъ требованіямъ, а равно и то, что большая половина казенной водки выкуривалась изъ картофеля, каковой матерьялъ содержитъ наибольшее количество сивушнаго масла. Для большого народнаго отрезвленія Витте доводитъ крѣпость водки до 40% этиловаго спирта, забывая также научное положеніе, что вредоносность спиртныхъ напитковъ пропорціональна ихъ крѣпости. Для поднятія народнаго благосостоянія и скорѣйшаго отрезвленія русскаго народа, вмѣсто сороковки (полбутылка), Витте вводитъ меньшую мѣру въ 1/100 и 1/200 ведра по 8 и 4 коп, которыя народъ удачно прозвалъ „жуликомъ“ и „мерзавчикомъ“. Эти малыя дозы явились тѣмъ насосомъ, который высасывалъ послѣднню трудовую народную копѣйку, и, развращая его морально и физически, подрывалъ въ корнѣ его нищенскій бюджетъ. Заботливость питейнаго вѣдомства объ отрезвленіи народа дошла до поразительныхъ предѣловъ: такъ, чтобы облегчить потребленія мерзавчиковъ и жуликовъ, не прибѣгая къ штопору, вводится спеціальная укупорка посуды, при которой пробка отлетаетъ отъ легкаго удара по дну бутылочки; казенныя винныя лавки открываются въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ по приговору крестьянъ были уже много лѣтъ закрыты кабаки; вводятся особыя поощрительныя преміи для сидѣльцевъ тѣхъ винныхъ лавокъ, въ которыхъ больше продавалось водки. На ряду съ этимъ, надо полагать, все для того же отрезвленія народа, увеличивается число пивныхъ, которыя по своему характеру замѣнили закрыв-

шіеся кабаки, такъ какъ въ нихъ свободно продавалось пиво съ водкой, такъ называемое „пиво съ ершомъ“.

По основному принципу реформы признано было необходимымъ въ интересахъ отрезвленія народа устранить частный интересъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ и сократить число мѣстъ продажи водки, дабы уменьшить соблазнъ. И вотъ въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ сокращаются мѣста продажи, но донесенія съ мѣста введенія реформы о значительномъ пониженіи потребленія водки въ виду сокращенія мѣстъ продажи, побуждаютъ питейное вѣдомство, въ интересахъ отрезвленія народа, не увеличивать числа мѣстъ казенной продажи, такъ какъ это было бы неудобно, а циркуляромъ отъ 19 февраля 1896 года допустить торговлю водкой въ трактирахъ и комиссіонную торговлю водкою изъ винныхъ, бакалейныхъ и другихъ лавокъ и тѣмъ радикально и въ полной силѣ пойти въ разрѣзъ оповѣщенному основному принципу реформы — объ устраненіи частнаго интереса при продажѣ спиртныхъ напитковъ.

Результаты введенія питейной реформы въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ и всѣ вышеприведенныя мѣры предпринятыя Витте въ цѣляхъ отрезвленія народа и поднятія его экономическаго благосостоянія, обнаружились весьма ярко. Объ этихъ результатахъ явился цѣлый рядъ корреспонденцій, отзывовъ, свидѣтельствовавшихъ о крайне печальныхъ и отрицательныхъ результатахъ питейной реформы. Въ ученыхъ собраніяхъ въ Петербургѣ, въ 1907 и 1908 гг. (въ „Собраніи Экономистовъ“, въ „Алкогольной, комиссіи общества охраненія народн. здравія“, въ „Императорскомъ Вольно-Экономическомъ обществѣ“) заслушаны были доклады объ этихъ результатахъ. Въ этихъ докладахъ указывалось на несовершенство реформы, а именно: что система продажи отразилась на способѣ потребленія и вызвала нежелательныя явленія общественнаго характера.

Благодаря запрещенію распитія водки въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, пьянство во всей своей неприглядной на-

готѣ перенеслось на улицу и въ семью; тайная продажа водки развилась въ небывалыхъ размѣрахъ и питейное вѣдомство не принимало никакихъ мѣръ противъ этого зла; основной принципъ питейной реформы — устраненіе частнаго интереса въ торговлѣ виномъ нарушенъ кореннымъ образомъ, путемъ допущенія комиссіонной продажи вина; 40-градусная водка изъ картофеля не можетъ считаться, вопреки удостовѣренію питейнаго вѣдомства, гигіеническимъ напиткомъ и отвѣчать строгимъ санитарнымъ требованіямъ; душевое потребленіе вина возросло въ нихъ въ значительной степени, а это увеличеніе находится въ прямой зависимости отъ числа мѣстъ продажи, а число этихъ мѣстъ, этихъ очаговъ заразы, заразы разума и совѣсти, благодаря комиссіонной продажѣ и корчемству, увеличилось въ колоссальныхъ размѣрахъ; питейная реформа, лишивъ крестьянскія общества правъ пользованія доходами съ питейныхъ заведеній усилила тѣмъ податную тягость населенія и это лишеніе отразилось до извѣстной степени на успѣхѣ народнаго образованія; сумма питейнаго дохода возрастаетъ въ геометрической прогрессіи; питейною реформою финансовое вѣдомство очень рельефно обнаружило свои заботы о преуспѣяніи государственныхъ финансовъ и т. п.

Противъ этихъ положеній никто изъ представителей науки присутствовавшихъ на докладахъ не возражалъ, напротивъ, положенія эти признаны были обоснованными, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ положеній подкрѣплены были еще авторитетными указаніями врачей, юристовъ и экономистовъ. Возражали противъ этихъ положеній и были ими недовольны только чиновники питейнаго вѣдомства и „Новое Время“, ложно свидѣтельствовавшее на своихъ столбцахъ, что доклады объ отрицательныхъ качествахъ питейной реформы были встрѣчены всеобщимъ молчаніемъ, такъ какъ докладчики смотрѣли на винную монополію сквозь очень темные очки. Хорошо, что теперь, черезъ 14 лѣтъ, эти очки стали ясны и для „Новаго Времени“.

Казалось бы, осторожность, проявленная при разрѣшеніи столь важнаго вопроса, обязывала министра финансовъ выждать результатъ опыта и затѣмъ уже принять систему или же, пожертвовавъ затратами на произведенный опытъ, отказаться отъ нея. С. Ю. Витте поступилъ иначе и не дожидаясь результатовъ опыта, нарушилъ 50 ст. основн. госуд. законовъ, по силѣ коей всѣ предначертанія законовъ разсматривались въ Госуд. Совѣтѣ, а потомъ уже восходили на Высочайшее усмотрѣніе и помимо Госуд. Совѣта испросилъ Высоч. указы отъ 11 іюня и 9 декабря 1894 г., коимъ было рѣшено постепенное распространеніе монополіи спирта на южныя и юго-западныя губерніи, а затѣмъ и на остальную Россію.

Итакъ, С. Ю. Витте, быстро и съ отвагою разрѣшая финансовый и бытовой интересъ русскаго народа, принялъ на себя предъ лицомъ всей страны не только нравственную, но и реальную отвѣтственность за послѣдствія предпринятой имъ реформы.

Чиновники С. Ю. Витте упрекали насъ въ поспѣшности нашихъ заключеній о результатахъ винной монополіи. Но если относительно докладовъ нашихъ 1897 и 98 гг. такое обвиненіе и могло имѣть еще мѣсто, то теперь, черезъ 14 лѣтъ, по введеніи реформы получился богатый фактическій матеріалъ для безпристрастнаго сужденія. Само финансовое вѣдомство предприняло анкеты для полученія свѣдѣній о дѣйствіи винной монополіи. Всѣмъ памятны отзывы мѣстныхъ дѣятелей въ лицѣ губернаторовъ, архіереевъ, земскихъ начальниковъ и благочинныхъ о благодѣтельномъ воздѣйствіи монополіи на населеніе. Мы познакомились также съ гимномъ русской монополіи, пропѣтымъ нашими оффиціальными представителями на международныхъ конгрессахъ. Монополію воспѣвали томы объемистыхъ оффиціальныхъ изданій, спеціально ей посвященныя, воспѣвали ее отдѣльныя лица въ Парижѣ и Вѣнѣ на конгрессахъ чиновники С. Ю. Витте — г.г. Рафаловичъ, Апостолъ, Буловскій, Скаржинскій и др., а въ русскихъ ученыхъ

обществахъ дѣятели управленія казенной продажи вина г.г. Шумахеръ, Осиповъ и Минцловъ, воспѣвали ее и въ статьяхъ „Вѣстника финансовъ“.

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этимъ почтеннымъ „вѣщимъ баянамъ“ винной монополіи, мы склонны думать, что эти дифирамбы были только дифирамбами въ честь создателя этой системы и очень далеки были отъ яснаго и правильнаго представленія о результатахъ вліянія питейной реформы. Прошло 14 лѣтъ послѣ этихъ дружно пропѣтыхъ гимновъ и дѣйствительность представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ. Оказалось, что новыя условія виноторговли не только не явились результатомъ коренной ломки старыхъ порядковъ, но во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ тоже доброе старое время съ кабацкимъ разгуломъ и обнаружили явленія явно регрессивнаго характера, какъ-то: переносъ пьянства на улицу, потребленіе крѣпкаго вина, развитіе частныхъ притоновъ пьянства. Общій же результатъ отъ введенія монополіи выразился, во 1-хъ, въ томъ, что потребленіе спиртныхъ напитковъ стало довольно быстро возрастать; 2) чистый доходъ монополіи возросъ до небывалыхъ размѣровъ и не можетъ считаться нормальною прибылью коммерческаго предпріятія, а составляетъ новое весьма сильное повышеніе налога и это повышеніе составляетъ приплату за дороговизну казеннаго веденія дѣла, что не было бы при старой акцизной системѣ; 3) душевое потребленіе нисколько не понизилось, напротивъ, есть незначительная тенденція къ повышенію; 4) идеалы, выставленные при введеніи монополіи, постепенно были отодвинуты на задній планъ, а впередъ выдвинуты интересы фиска; 5) цѣны на ведро водки низшаго сорта доведены до 8 руб., тогда какъ до монополіи онѣ составляли 5—5 р. 50 к. на ведро (40°); 6) казенная монополія оказалась предпріятіемъ въ высшей степени дорогимъ и въ конечномъ результатѣ винная монополія дала ноль; 7) переплаты потребителей пошли на покрытіе расходовъ по организаціи винно-монопольнаго дѣла и не будь дополни-

тельнаго налога (надбавка 40 коп. на акцизъ по закону 6 августа 1900 г. съ 10 коп. на 11 за градусъ), казенное хозяйничанье дало бы солидный дефицитъ до 10 милл. рублей.

Итакъ, винная монополія явилась бездоходною статьею для госуд. казначейства, и если бы она имѣла серьезное общественное значеніе, то, конечно, можно было бы мириться съ ея бездоходностью и не предъявлять обвиненія, что на созданіе новой отрасли сложнаго казенно-бюрократическаго хозяйства потребовалась и масса народныхъ средствъ и силъ. Къ сожалѣнію, винная монополія скорѣе явилась отрицатильнымъ факторомъ въ дѣлѣ оздоровленія народныхъ нравовъ, а потому необходимо признать, что она отвлекла народные рессурсы отъ болѣе производительнаго назначенія. Податное бремя она увеличила и въ результатѣ создала новый видъ сложнаго и громоздкаго бюрократическаго механизма, пожирающаго огромныя средства, доставляемыя потребителями вина.

Всѣ эти положенія и соображенія были нами сказаны въ 1897 году, они остаются и теперь послѣ 14-лѣтняго опыта въ полной силѣ и подтверждены многими изслѣдователями этого вопроса, какъ проф. Л. В. Ходскимъ въ статьѣ его: „Винная монополія въ Россіи“ (народное хозяйство, книги 7 и 8, 1900 г.), В. Норовымъ въ трудѣ его „Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики“ (ч. I и II. СПБ. 1904), въ статьяхъ Буха („Вѣстникъ Европы“), въ статьяхъ проф. П. Мигулина („Слово“ Сентябрь, 1905 г.) и многихъ другихъ.

Итакъ, монопольный кабакъ, по своимъ послѣдствіямъ ничѣмъ не отличается отъ царскаго кабака, кружечнаго двора, откупного кабака и акцизнаго. Измѣнилась обстановка кабака, но это измѣненіе очень пагубно отразилось на общемъ потребленіи спирта и вызвало такія явленія, какія не имѣли мѣста во всѣ періоды кабака, до появленія монопольнаго. Этотъ монополлный кабакъ, помимо всѣхъ другихъ указанныхъ нами золъ, *нарушилъ чистоту семейной*

жизни русскаго крестьянина и пріучилъ русскую крестьянку, подрастающее поколѣніе, словомъ всю семью, быть не только свидѣтелями, но и участниками пьянаго разгула, а послѣдствія отъ этого слишкомъ тяжелы и ужасны для всей нашей родины. Милліоны народа спаиваются годъ за годомъ. Пьянство стало національною чертою русскаго народа. Народъ вырождается физически, вырождается нравственно. Тьма, какъ ржавщина, ѣстъ народную душу. Происходитъ полнѣйшее огрубѣніе страны, снизу до верху, или сверху до низу, какъ хотите считайте. Насилуютъ вѣшаютъ, рѣжутъ, грабятъ, убиваютъ. Исключительная рѣпьс, ошеломляющая жестокость стала обычнымъ, никого не смущающимъ явленіемъ. Но какъ и чѣмъ положить конецъ растущимъ ужасамъ. На нашихъ глазахъ проходитъ величайшая трагедія жизни, трагедія народа и страны. Растетъ общественная жестокость, растетъ обнищаніе страны, растетъ общее негодованіе. Что дѣлать? Какъ уйти отъ этого ужаса. Въ этомъ ужасѣ алкоголь является однимъ изъ самыхъ видныхъ факторовъ нашей дѣйствительности.

Въ 1902 г. мы, въ качествѣ редактора журнала „Трезвость и Бережливость“, получили оффиціальное опроверженіе на нашу статью отъ управляющаго отдѣломъ казенной продажи питей В. Котельникова отъ 18 марта 1902 г. за № 443, въ которомъ, между другими пунктами опроверженія, а именно во 2 пунктѣ, разъяснено было намъ: „что подъ именемъ кабака принято разумѣть учрежденіе, предоставляющее посѣтителямъ возможность покупки въ раскупоренномъ видѣ или въ наливъ и распитія водки, причемъ именно и практиковались всевозможныя злоупотребленія, какъ, напр., отпускъ вина не за наличныя деньги, но и подъ закладъ вещей, продажа низкопробнаго вина и т. п. Съ учрежденіемъ казенной продажи питей кабаковъ въ Россіи больше не существуетъ (sic!), а имѣются казенныя винныя лавки, въ которыхъ вино продается только на выносъ, въ запечатанной посудѣ, опредѣленной крѣпости и по утвержденной цѣнѣ, и притомъ исключительно за наличныя деньги“ и т. д.

Это оффиціальное опроверженіе и утвержденіе, что ка-

баковъ въ Россіи больше не существуетъ, напоминаетъ намъ распоряженіе Екатерины II, которая приказала: „кабаки называть питейными домами, потому что отъ происшедшихъ злоупотребленій названіе кабака сдѣлалось весьма *подло и безчестно*".

Помѣстивъ въ нашемъ журналѣ означенное опроверженіе г. управляющаго отдѣломъ казенной продажи питей, мы въ то же время не оставили его безъ отвѣта и не согласились съ толкованіемъ, что должно подразумѣвать подъ именемъ кабака. По нашему представленію, какъ въ прошлой исторіи Россіи, такъ и въ настоящее время, подъ „кабакомъ" всегда понимали и будутъ понимать то мѣсто, гдѣ продается алкоголь, отравляющій русскій народъ. Какъ ни облагораживайте это мѣсто, въ какой мундиръ ни облекайте его, какую оффиціальную кличку ни давайте этому мѣсту, но оно всегда, по мѣткому выраженію Екатерины II, будетъ „весьма подло и безчестно" и по понятію народному будетъ называться „кабакомъ", т. е. позорнымъ мѣстомъ, благодаря которому русская мощь, сила и надежда на лучшее будущее проматываются и пропиваются.

Со временъ Іоанна Грознаго татарское слово „кабакъ" стало обозначать мѣсто, гдѣ продаютъ вино. Въ нашей питейной исторіи много было названій мѣсту, въ которомъ продавалось вино и водка. Питейные дома эпохи Василія III подъ названіемъ „наливки", „корчмы", „постоялые дворы", „царевы кабаки", „трактиры", „шинки", „питейные и заѣзжіе дома" временъ акцизной системы и теперешніе „казенки" все это, по народному представленію, окрещивается однимъ общимъ названіемъ „кабакъ". Къ сожалѣнію, съ введеніемъ казенной продажи питей, въ Россіи остались кабаки и въ довольно грандіозномъ размѣрѣ. Для русскаго народа указываемое отличіе казенныхъ винныхъ лавокъ отъ кабаковъ, а именно, что изъ нихъ продается водка только на выносъ, не составляетъ существенной разницы. Въ казенной лавкѣ можно купить вино, отъ

распитія котораго возлѣ лавки или дома—все же въ результатѣ получится разгулъ, развратъ и позоръ для семьи и всего подростающаго поколѣнія. А разъ это такъ, то какъ ни называйте мѣсто продажи водки—оно всегда будетъ для народа кабакомъ, т. е. позорнымъ, подлымъ и безчестнымъ мѣстомъ. Наконецъ, еще большой вопросъ—что лучше, кабакъ съ продажей только на выносъ, или же съ распитіемъ въ томъ же кабакѣ.

Кабакъ для народа, подъ какой бы личиной онъ ни былъ—это гибель народа, гибель его нравственныхъ, экономическихъ и политическихъ задачъ. Кабакъ– это могильная плита, кладбище всей русской жизни.

Растущее народное пьянство—это назрѣвающая гангрена народной жизни, а за ней неминуемая смерть нравственная, экономическая, а затѣмъ и политическая.

Да изгладится и самое имя о кабакѣ изъ памяти народной. Тотъ, кто любитъ свой народъ, свою родину и вѣритъ въ мощь его духовныхъ силъ, долженъ поднять стягъ за освобожденіе русскаго народа отъ демона—алкоголя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

